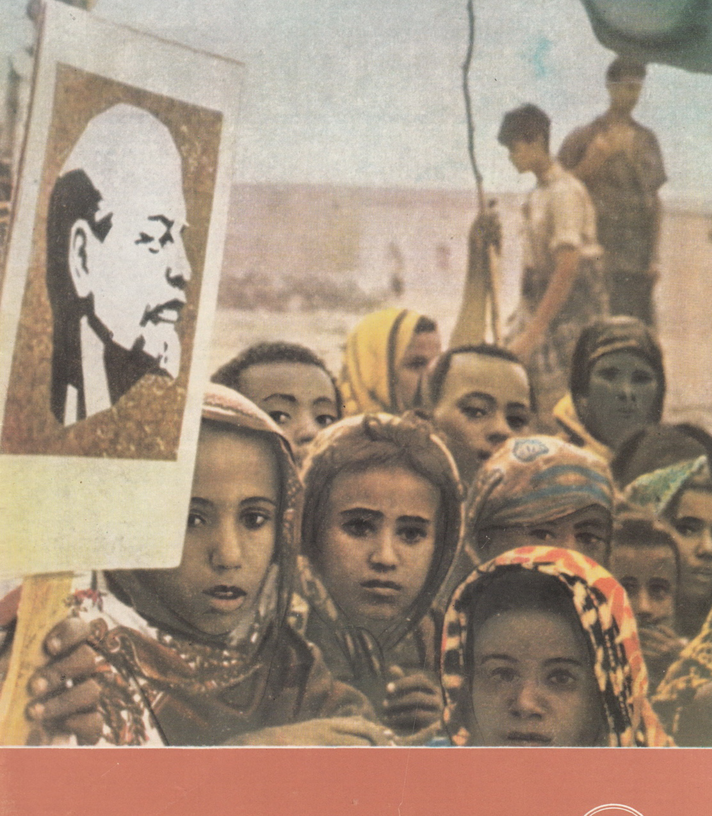

РОВЕСНИК

4

1976

«ЗА ТАКОЙ ПОЛИТИКОЙ — БУДУЩЕЕ!»

Вы помните, читатель: такими словами, как единственно закономерным, глубоко и всесторонне обоснованным выводом, завершается раздел «Положение в мире и международная деятельность КПСС» Отчета ЦК партии XXV съезду.

В равной степени эти слова относятся и ко всему докладу Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева, ибо все линии политики партии составляют единое, неразрывное целое и все они, восходя своими истоками к Великому Октябрю, к бессмертным заветам Ленина, обеспечивают настоящее, плодотворно и целеустремленно работают на будущее.

Сейчас, спустя немногим более месяца со времени завершения XXV форума советских коммунистов, когда его материалы внимательно изучаются во всем мире, когда миллионы людей ищут и находят в них ответы на животрепещущие вопросы современности, когда его решения стали руководством к повседневной практической работе советского народа, сейчас особенно ясно вырисовывается грандиозный исторический масштаб этого события.

Мы часто говорим о том, что с первых дней своего существования наша Советская страна идет под руководством партии новыми, непроторенными путями. И это действительно так. И это достаточное объяснение пристального внимания человечества к каждому шагу, который совершает советский народ в избранном почти шесть десятилетий назад направлении. Это достаточная причина особой ответственности советского народа перед историей, перед человечеством и его самыми светлыми надеждами.

Выдающиеся итоги минувшего пятилетия во всех областях общественной, социальной, экономической, культурной, научной деятельности гармонически сочетаются с подлинным триумфом Программы мира, провозглашенной на XXIV съезде.

Именно на прочной основе этих результатов внутренней и внешней политики партии XXV съезд КПСС разработал новые перспективы борьбы за мир и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов, наметил ряд конкретных задач.

Первая из них — неуклонное укрепление единства братских социалистических государств, развитие их всестороннего сотрудничества в построении нового общества, наращивание их активного совместного вклада в укрепление мира.

Можно привести великое множество примеров такого сотрудничества и единства социалистических стран, на плодотворной основе которых достигнуты замечательные результаты. Вот почему КПСС и впредь будет придерживаться этого испытанного временем курса. При этом, как подчеркнул в докладе на съезде товарищ Л. И. Брежнев: «В отношениях со странами социализма КПСС твердо следует испытанному правилу: вести дела в духе подлинного равноправия и заинтересованности в успехах друг друга, вырабатывать решения, памятуя не только о национальных, но и интернациональных интересах. Какие бы проблемы ни возникали, их, по нашему убеждению, нужно решать в духе укрепления дружбы, единства и сотрудничества».

Верная принципам пролетарского интернационализма, партия и впредь будет развивать сотрудничество с братскими коммунистическими и рабочими партиями. Говоря об этом, товарищ Л. И. Брежнев отмечал: «Коммунисты разных стран с интересом и понятным вниманием следят за работой друг друга. Между ними могут подчас возникать различия во мнениях, в подходах к тому или иному вопросу. Враждебная пропаганда не раз устраивала по этому поводу сенсации. Но марксисты-ленинцы подходят к таким вопросам с позиций интернационализма, заботясь об укреплении единства всего движения, обсуждают возникающие проблемы в духе подлинного товарищества, в рамках непреложных норм равноправия и уважения самостоятельности каждой партии. Конечно, при этом речь не идет и не может идти о компромиссах в принципиальных делах, о примирении со взглядами и действиями, противоречащими коммунистической идеологии. Это исключено. Тем более, что и правый, и левацкий ревизионизм отнюдь не бездействуют, и борьба за марксистско-ленинские основы коммунистического движения, против попыток их исказить или подорвать остается общей для всех задачей».

Как было указано в докладе Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева, важным направлением советской внешней политики и впредь будет оставаться развитие сотрудничества со странами, освободившимися от колониального гнета.

Что же касается политики Советского Союза в отношениях с капиталистическими государствами, то главным в них была и остается борьба за утверждение принципов мирного сосуществования, за прочный мир, за ослабление, а в перспективе и устранение опасности возникновения новой мировой войны.

Разрабатывая конкретные направления этой политики, Центральный Комитет учи-

РОВЕСНИК

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

Апрель, 1976 год, № 4

На первой странице обложки: фотография, сделанная в затерянном краю земли — на южной оконечности далекого Аравийского полуострова. Но и там в апрельские дни отмечают день рождения нашего Владимира Ильича Ленина. Потому что память о Ленине, идеи Ленина близки и дороги всем, кто сражается за свободу и новую жизнь. А там, в Дофаре, и идет это сражение — против местных феодалов и против их покровителей.

Фото из журнала «Эпока», Милан.

Очерки и комментарии к человеческим драмам сегодняшнего Запада:

ВИНОВАТЫ ЛИ НЕУДАЧНИКИ В СВОЕЙ НЕУДАЧЕ?

тывал как позитивные тенденции, развившиеся на международной арене (и прежде всего то, что ведущей из таких тенденций стала разрядка напряженности), так и моменты негативные, проявляющиеся в попытках некоторых кругов Запада сохранить дух «холодной войны» в ущерб взаимовыгодному сотрудничеству на основе невмешательства во внутренние дела других стран.

Однако успех Программы мира, провозглашенной XXIV съездом КПСС, не может не вдохновлять на дальнейшее развитие плодотворной политики мира и сотрудничества. На современном этапе партия видит свою задачу в том, чтобы:

— Добиваться прекращения растущей, опасной для мира гонки вооружений и перехода к сокращению накопленных запасов оружия, к разоружению. В этих целях:

а) делать все возможное для завершения подготовки нового соглашения между СССР и США об ограничении и сокращении стратегических вооружений, для заключения международных договоров о всеобщем и полном прекращении испытаний ядерного оружия, о запрещении и уничтожении оружия химического, о запрещении создания новых видов и систем оружия массового уничтожения, а также воздействия на природную среду в военных и иных враждебных целях;

б) предпринять новые усилия для активизации переговоров о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе. После достижения договоренности о первых конкретных шагах в этом направлении продолжить в последующие годы дело военной разрядки в указанном районе;

в) добиваться, чтобы на смену нынешнему постоянному росту военных расходов многих государств пришла практика их систематического сокращения;

г) принять все меры к скорейшему созыву Всемирной конференции по разоружению.

— Сосредоточить усилия миролюбивых государств на ликвидации остающихся военных очагов, и прежде всего на осуществлении справедливого и прочного урегулирования на Ближнем Востоке. В связи с таким урегулированием соответствующим государствам рассмотреть вопрос о содействии прекращению гонки вооружений на Ближнем Востоке.

— Делать все для углубления разрядки международной напряженности, ее воплощения в конкретные формы взаимовыгодного сотрудничества между государствами. Активно вести линию на полное претворение в жизнь Заключительного акта общеевропейского совещания, развитие мирного сотрудничества в Европе. В соответствии с принципами мирного сосуществования последовательно продолжать развитие отношений долговременного взаимовыгодного сотрудничества в различных областях — в политике, экономике, науке и культуре — с Соединенными Штатами Америки, Францией, ФРГ, Великобританией, Италией, Канадой, а также Японией и другими капиталистическими государствами.

— Вести дело к обеспечению безопасности в Азии на основе совместных усилий государств этого континента.

— Стремиться к заключению всемирного договора о неприменении силы в международных отношениях.

— Считать одной из важнейших международных задач полную ликвидацию всех остатков системы колониального угнетения, ущемления равноправия и независимости народов, всех очагов колониализма и расизма.

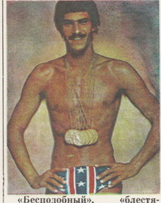
— Добиваться устранения дискриминации и любых искусственных препятствий в международной торговле, ликвидации всех проявлений неравноправия, диктата, эксплуатации в международных экономических отношениях.

Работа над решением этих задач, являющихся органическим продолжением и развитием Программы мира и программой дальнейшей борьбы за мир и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов, и есть политика партии на современном этапе, политика, которой принадлежит будущее!

Фото С. Смирнова и А. Стешанова

ДОРОГА К НЕУДАЧЕ...

«Бесподобный», «блестящий», «очаровательнейший» и «добрейший» Марк Спиц участвует ныне в десятках дел. Он заключил контракты со множеством фирм, производящих спортивное снаряжение, плавательные бассейны, костюмы. Что может быть лучшей рекламой для плавок, если они красуются на герое провинциальных американских дамочек — Спице? А их детки, конечно, беспрекословно выпивают положенный стакан молока на ночь, если на каждом углу огромный бумажный Марк Спиц наставляет: «Молоко полезно всем».

Нельзя сказать, чтобы юноша блистал познаниями в науках, — выпускные экзамены он сдал с общей оценкой «удовлетворительно». Зато, как вспоминают друзья, его жажды денег хватило бы на несколько человек.

Примерно год назад, а точнее, в третьем номере «Ровесника» - 75 была опубликована подборка документальных очерков о людях бесспорно талантливых, пользующихся известностью в своих странах (да зачастую и не только в своих), людях процветающих, живущих безбедно и, надо думать, довольных своей судьбой и обстоятельствами, которые помогли им добиться успеха. Подборка так и называлась: «Путь к успеху».

Напомним читателю имена некоторых из героев этой подборки: известный французский актер Ален Делон, семикратный олимпийский чемпион американский пловец Марк Спиц, западногерманский предприниматель Петер Отте и др.

Этих «и др.» в мире, конечно, гораздо больше, чем могло бы уместиться на страницах журнала, даже если бы были только перечислены их имена. И все-таки их ничтожно мало по сравнению с **другими**, тоже бесспорно талантливыми людьми, которые, однако, обделены и славой и достатком, а главное, не могут смириться, не умеют приспособиться, не хотят соглашаться с порядками, следуя которым можно добиться успеха. Этим **другим** в мире «равных возможностей» несть числа.

И хотя эта простая арифметика — необходимый и достаточный довод против общественного строя, создавшего за долгие годы своего существования немало красивых и лживых легенд вроде упомянутой легенды «о равных возможностях», ею далеко не исчерпывается счет, который люди, миллионы людей вправе предъявить капитализму.

Прочтите, что о них говорят и что они говорят о своей жизни, о неосуществленных надеждах, о непреодолимых помехах на пути к счастью в публикациях этого номера «Ровесника», и вам откроется подлинное лицо «свободного мира».

...«Старички в двухцветных штиблетах и костюмах а-ля Фред Астер сидят в открытых кафе. Сидят они с этими чашечками за этими столиками с 1935 года — все боятся уходить с места, потому что в 1935 году они дали менеджеру адрес этого кафе — на случай, если за ними пришлют и пригласят на главную роль...»

Трудно сказать, дорогой читатель, что более потрясает — мастерство журналиста Мика Фэррена, из очерка которого взят этот этюд, одухотворенный нестерпимой, как улыбка Чаплина, болью и бесконечной надеждой, и безнадежной верой, или достоверность жестокости мира в таком вот ее незлобивом, мелодраматическом проявлении. Экая беда, действительно, — сидят на верандах кафе старички и чего-то ждут. А на календаре уже 1975 год, и, значит, прошла целая жизнь в ожидании своей главной роли, которая не состоялась и не состоится. Никогда.

Автор вышедшей летом 1974 года во Франции книги «Актер» Анна Карадин сказала об Алене: «В нем одном фокусируются все современные мифы преуспевания человека в западном мире: красота, молодость, слава, деньги, насилие, власть, и всегда с привкусом скандала». Целая программа!

При жизни одного поколения, скажем за 25 лет, полмиллиона человек, пользующихся уважением в своей среде, в своем обществе, побывали на чашке чая у королевы и ушли с чувством собственного благополучия. Приемы в саду — инструмент правления.

Становится все очевиднее, что антидемократический «запрет на профессии» направлен не только против коммунистов, но и против всех демократов, либералов и профсоюзных активистов.

Это из рассказа корреспонденту итальянского журнала «Темпо» молодого дипломированного специалиста, поиски которого своей главной роли начались в 1975 году и кто знает, когда завершатся. Во всяком случае, как видите, он считает, что в сравнении с другими пока ему повезло. Пока.

...«Не знаю, что со мной будет дальше. Может, лучше бы мне заболеть раком, сказать: «Ах, как жаль!», и умереть, и упокоиться с миром. Не знаю».

Автор этих страшных слов американец Брюс Флетчер — вундеркинд, фабричный рабочий, слуга, студент, корректор, официант, радиодиктор, рабочий в оранжерее. Бедолага этот уже не надеется на какую-то свою главную роль. Этот ничего не ждет.

...«Сказать вам, что в нашей работе бывает самое неприятное? На кого, получается работаешь? Строишь для человека, у которого достаточно денег, чтобы тебе заплатить».

Это говорит другой американец — рабочий-плотник, отец десяти детей Ник Линдсей. Нашел ли он свою главную роль? О да, Ник Линдсей счастлив тем подлинным счастьем, что приносит любимая работа, он счастлив, как может быть счастлив настоящий мастер уже от самого соприкосновения с добротным материалом. Но... Вы только что прочли отрывок из его рассказа о себе, в котором горечь, в котором боль. Главная роль в жизни испорчена, отравлена необходимостью отдавать свой труд не тем, кому он нужен, а тем, кто может за него заплатить. И здесь выбора нет.

...«А что рассказывать? Мы палестинцы. Живу в лагере беженцев со старшим братом. Он партизан. Мать свою не помню, она давно умерла. Отец в тюрьме у израильтян».

Вот и вся история «о себе», рассказанная одним из палестинских ребятишек советскому журналисту. А в ней — история целого народа, лишенного своей главной роли: жить на своей земле и строить свою страну.

Итак, конкретные судьбы конкретных людей, людей разных и по возрасту, и по профессии, и по национальности. Но какова бы ни была между ними разница, каждый из них имеет право на свою главную роль в жизни, и каждый из них этого права лишен.

Так не выглядят ли для них и для миллионов им подобных злой издевкой попытки провозгласить капитализм «обществом всеобщего благоденствия»? Не звучат ли бесстыдным лицемерием утверждения о «расцвете свободы» на Западе?

В докладе Центрального Комитета XXV съезду КПСС товарищ Л. И. Брежнев говорил: «Можно напомнить ленинские слова о том, что нравственно в нашем обществе все, что служит интересам строительства коммунизма. Точно так же мы можем сказать, демократично для нас то, что служит интересам народа, интересам коммунистического строительства». Надо ли говорить, что такой подход, отражающий норму жизни советского общества, чужд защитникам «буржуазной демократии», как чужды им подлинные интересы простого человека, его судьба, его естественная потребность жить лучше, содержательнее, честнее, жить, пользуясь гарантированным правом на успех.

В пятницу изучаю новое объявление. «У вас есть честолюбие? Хотите получить хорошо оплачиваемую работу? Нам требуются люди в возрасте от 18 до 35 лет для работы с электронно-вычислительной техникой после прохождения платного краткого курса обучения».

Спасибо, воздержусь от нового путешествия, сулящего одни расходы.

Кажется, происходит вот что. Откажемся сразу от того, что это самые несчастные или неблагополучные люди. Есть куда неблагополучней и несчастней, потому что есть уже потерявшие или полупотерявшие свое «святое дело» — РАБОТУ. Ни Брюс Флетчер, ни тем более Ник Линдсей не принадлежат к ним. Больше того, они счастливы конечным счастьем людей, знающих, что другого не будет.

...«Я все еще жду этого звонка, а пока подвожу итоги: десять дней поисков работы стоили мне 60 тысяч лир и 26 часов ожидания в прихожих. Впрочем, я знаю несколько человек, которые ходят впустую уже два и три месяца».

...«Ты спрашиваешь, как это я, ты работаешь? Есть-то надо, значит, работаешь на того, кто тебе за это платит. У другого, может, и семья большая, и крыша ему нужна над головой, но ты строишь дом не для него, а для того, кто без этого дома прекрасно бы обошелся. Стро-

Когда я увидел Джима в 1970 году на фестивале на острове Уайт, меня поразил его вид — старая полупьяная развалина. Он пел плохо и понимал это, а публика пожирала его песни как некое откровение, и от этого он мучился еще больше...

После этого Джим уже не мог написать ни одной строки. Он устал, выдохся. Потом уехал в Париж зализывать раны — давняя литературная традиция. Он думал, что смена ритма и континента поможет.

Там, в Париже, он и умер от сердечного приступа 3 июля 1971 года. Умер тихо, незаметно. Дураки не могут с этим смириться — ходят слухи, что его убили в драке. Так красивее.

Фоторепортаж Адриано Морденти (Италия) — для «Ровесника»

смотрите:

МИРНЫЙ ДЕНЬ В ЛАГЕРЕ ПАЛЕСТИНСКИХ БЕЖЕНЦЕВ

НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ СЕЙЧАС НЕТ ВОЙНЫ. НО НЕТ ТАМ И МИРА, А ТЕМ БОЛЕЕ СПОКОЙСТВИЯ. И КТО ОТВАЖИТСЯ ПОРУЧИТЬСЯ, ЧТО ПЛАМЯ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НЕ ВСПЫХНЕТ ВНОВЬ. ТАКАЯ ОПАСНОСТЬ БУДЕТ СОХРАНЯТЬСЯ, ПОКА ИЗРАИЛЬСКИЕ АРМИИ ОСТАЮТСЯ НА ОККУПИРОВАННЫХ ЗЕМЛЯХ. ОНА БУДЕТ СОХРАНЯТЬСЯ, ПОКА ЛИШЕНЫ СВОИХ ЗАКОННЫХ ПРАВ И ЖИВУТ В ОТЧАЯННЫХ УСЛОВИЯХ СОТНИ ТЫСЯЧ ПАЛЕСТИНЦЕВ, ИЗГНАННЫХ СО СВОИХ ЗЕМЕЛЬ, И АРАБСКИЙ НАРОД ПАЛЕСТИНЫ ЛИШЕН ВОЗМОЖНОСТИ СОЗДАТЬ СВОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО.

Из доклада Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева на XXV съезде партии

ПАЛЕСТИНСКИЕ ДЕТИ

Вадим БУРЛАК

ОСКАР

— Я вам не нужен?

Кто-то сзади дергает меня за рукав. Оглядываюсь. Прямо на меня выжидающе смотрят угольной черноты глаза. Лицо мальчика расплывается в улыбке.

— Наймите, не пожалеете, — предлагает он и выразительно похлопывает ладонью по огромной корзине, болтающейся у него за спиной.

Я развожу руками: дескать, нечего класть в нее.

Мальчишка понимает мой жест.

— А вы купите что-нибудь, — предлагает он. И, кивая головой в сторону базара, добавляет: — Здесь так много всего.

На городском базаре действительно много всего, но я не собираюсь ничего покупать.

Взгляд у мальчишки тускнеет.

— Постой! — Начинаю рыться в карманах и достаю мелочь. — На, держи.

Мальчишка шмыгает носом и удивленно смотрит.

— Когда отнесу ваши покупки, тогда и дадите.

— Бери, я их тебе просто так даю.

На лице мальчишки появляется подобие высокомерной улыбки.

— Я не нищий! Я палестинец! — гордо бросает он.

Мне неловко смотреть мальчишке в глаза. Я снова поспешно лезу в карман и достаю значок. На нем наш Кремль.

— Возьми тогда... На память. Это Москва.

Мальчишка берет значок, секунду рассматривает его. Потом медленно, по слогам произносит: «Мо-сква» — и цепляет к потрепанной рубахе.

— Москва! — уже быстро и громко повторяет он.

Я обнимаю его за плечи.

— Как тебя зовут?

— Оскар.

— Послушай, Оскар, ты ел сегодня?

Он качает головой:

— Сегодня меня еще никто не нанимал.

— Так вот, Оскар, ты привык зарабатывать деньги трудом. И я тебе предлагаю поработать... Расскажи мне о себе.

— Какая же это работа? — удивляется Оскар. Но тут же спохватывается: — А, я понял. Вы журналист? Или собиратель песен и записываете все, что слышите от людей. Хотите, спою?

И, не дожидаясь ответа, он поправляет на груди лямку от корзины и, выставив одну ногу вперед, начинает петь:

Месяц, ты ей про любовь мою
Нашепчи, напророчь!
Милая, слышишь?

Прохожие с удивлением оглядываются.

— Нет, нет, — поспешно останавливаю я Оскара. — Ты хорошо поешь. Но мне не это нужно. Расскажи о своей жизни.

Оскар задумывается.

— А что рассказывать? Мы палестинцы. Живу в лагере беженцев со старшим братом. Он партизан. Мать свою не помню, она давно умерла. Отец в тюрьме у израильтян.

Оскар смотрит на меня по-взрослому:

— Ну что, неинтересно?

— Нет, нет... Рассказывай. Чем же ты зарабатываешь на жизнь? Только этим? — Я показываю на корзину Оскара.

— Нет, месяц назад чистил ботинки возле базара. Но недолго. Хозяин меня выгнал.

— За что?

Оскар усмехается:

— Я запустил банку с гуталином в одного... Он ругал наших партизан.

Оскар на мгновение умолк и в раздумье добавил:

— Ну ничего, мне еще несколько лет надо прожить здесь, а потом, когда стану взрослым...

Он снова замолкает.

— Что потом? — спрашиваю я.

— Так, ничего, — загадочно отвечает Оскар. Но тут же не выдерживает: — Потом я вернусь на свою родину, найду тюрьму, где сидит мой отец, и подожгу ее.

— А как же заключенные?

— Их я перед этим выпущу. А охрану перебью.

— Да, опасное дело ты задумал.

Я стараюсь смотреть как можно серьезней.

— Вы не верите, что я смогу поджечь тюрьму?

— Это не так легко, — уклончиво отвечаю я. — К тому же, когда ты станешь взрослым, отца твоего, наверное, выпустят.

Оскар покачал головой.

— Нет, его посадили надолго.

— Он был партизаном?

— Нет, он только помогал им. Давал продукты. У него даже не было оружия.

Я кладу руку на плечо мальчика.

— И все-таки, мне кажется, с тюрьмой вопрос будет решен гораздо раньше, чем ты станешь взрослым.

— Да, я читаю газеты. И брат мне часто рассказывает обо всем, что делается в мире. Но тюрьму я все равно подожгу, — упрямо добавляет Оскар.

Близится полдень, и мой собеседник все чаще поглядывает в сторону базара.

— Торопишься?

— Да, — признается Оскар. — День проходит, а у меня еще ни одной монеты в кармане.

Я достаю мятую десятифунтовую бумажку.

— Возьми, ты честно заработал эти деньги. Считай, что получил, как писатель, гонорар за свой рассказ.

Оскар прячет руки за спину и отходит от меня на шаг в сторону. Все же я успеваю сунуть ему деньги в карман. Оскар не сопротивляется. Он очень торопится.

— До свидания, Оскар.

Его крепкая ладошка ложится в мою.

— До свидания.

Мальчик поправляет за спиной корзину и собирается идти, но вдруг останавливается.

— А насчет тюрьмы я пошутил. — Он грустно улыбается. — Я не смогу стать взрослым. Туберкулез. И врач сказал, что мне до зимы не дотянуть. — Оскар ободряюще подмигивает: — Не забывайте меня.

Он скрывается в толпе прохожих, а я лезу в карман за сигаретами.

Что это? Вместе с пачкой «Явы» вытаскивается мятая десятифунтовая бумажка. Он все же сумел незаметно сунуть ее мне.

Неподалеку шумит базар. Кричат торговцы, спорят до хрипоты покупатели. И между ними снуют мальчишки с огромными корзинами за спиной, очень похожие издали на Оскара.

ИМАТ

Они пришли в этот квартал большого приморского города после полудня, когда тени белых особняков лениво растянулись на мостовых.

Старуха подолгу стояла у каждой двери, ожидая, пока кто-нибудь в доме услышит звонок и откроет ей. Она собирала ненужное богачам тряпье и складывала его в огромный мешок.

Ее семилетний внук Имат в это время играл на тротуаре пустыми автоматными гильзами. Он рисовал мелом на асфальте круг, расставлял гильзы одна к одной, а потом отбегал на несколько шагов и выбивал гильзы палкой.

Имат не обращал внимания на прохожих. А когда ему удавалось одним ударом выбить из круга все гильзы, лицо его светилось такой радостью, что казалось, нет на свете счастливей человека.

Из ворот особняка с грохотом выехала красная детская машина. За рулем сидел мальчик такого же возраста, как Имат, но хорошо одетый и гладко причесанный. Он деловито посигналил.

Краска на машине сверкала. Не выпуская из рук палки, Имат замер, открыв рот. Любопытство и восторг сверкали в его глазах. Потом он нахмурился и еще сосредоточенней принялся расставлять свои гильзы. На этот раз он еще лучше прицелился и взмахнул палкой.

— Попал! — закричал Имат.

— Попал! — с восхищением повторил за ним сидевший в машине мальчик.

Имат снова расставил гильзы и прицелился.

Но на этот раз палка пролетела слишком высоко. Имат огорченно цокнул языком.

Мальчик на машине подъехал поближе.

— А ты разве всегда попадаешь?

— Конечно, всегда.

Причесанный мальчик вылез из машины, взял осторожно двумя пальцами гильзу и стал внимательно рассматривать ее.

— Она от ружья или от пистолета?

Имат снисходительно усмехнулся.

— Автоматная. Мне их подарили партизаны.

— А можно, я поиграю?

— Можно, — кивнул головой Имат. И тут же добавил: — Дашь мне покататься на машине?

— Бери, — согласился богатый мальчик и принялся расставлять гильзы.

Дрожа от нетерпения, Имат подошел к машине. Он не мог поверить, что ему выпало такое счастье. Он на секунду зажмурил глаза и схватился обеими руками за руль. Потом, усевшись поудобней в машине, он крикнул во весь голос:

— Ба! Посмотри на меня!

Старуха не услышала своего внука, зато из окна особняка выглянула женщина с черными распущенными волосами. В одно мгновение окинув взглядом играющих мальчиков, она закричала:

— Томми! Томми, что у тебя в руках? Сейчас же брось эту гадость!

В ту же минуту из подъезда выбежал высокий сухощавый старик. Не останавли-

ваясь, на бегу он вытащил Имата за шиворот из машины, потом выхватил у испуганного Томми гильзы. Сокровища Имата, звеня, разлетелись по улице.

Старик и мальчик с машиной скрылись за воротами, а Имат еще лежал на мостовой и плакал.

Потом к нему подошла бабушка.

— Тише, Имат. Не надо. А то нас прогонят отсюда.

— Он меня толкнул.

Старуха только развела руками и опять стала гладить его.

— Что же я могу сделать?

Мальчик вдруг перестал плакать, поднялся на ноги и достал из кармана две оставшиеся гильзы. Одну он подбросил на ладони и со злостью посмотрел на окна особняка, где жил высокий старик. Потом прицелился и что есть сил швырнул гильзу.

Звона разбитого стекла он не услышал, потому что в ту же секунду старуха закатила ему оплеуху, от которой он еле устоял на ногах.

И нелепо быстро она потащила его, держа за руку, прочь.

Был уже вечер, а Имат все сидел на берегу моря. Он знал, что бабушка ищет его, но домой идти не хотелось. Болела щека, и до слез было обидно из-за оплеухи. А еще он жалел пропавшие гильзы.

Море сделалось почти черным. Неподалеку, гремя цепями, покачивались тяжелые рыбачьи лодки. Откуда-то сверху из кафе или из ресторана доносилась скрипка.

Незаметно Имат уснул.

Мальчик вздрагивал во сне от холодного морского ветра, сжимая в кулаке последнюю гильзу.

ГОРЕ ПОЛНОЙ МЕРОЙ

Вы познакомились с двумя палестинскими мальчиками. Оба рассказа документальны, потому реальна и трагедия обоих героев. Горькая у них судьба. Тем более горькая, что она схожа с тысячами иных судеб. С судьбой целого народа. В этом я убедился своими глазами, когда мне, как журналисту, доводилось попадать в лагеря палестинских беженцев, например, в секторе Газа или в Сирии. Очень тяжелое это зрелище — сотни детишек, взрослых и стариков, людей, не видевших своей родины или оставивших ее по ту сторону линий прекращения огня или перемирия с Израилем, по ту сторону жизни — в воспоминаниях.

Как же случилась эта национальная трагедия и кто ее виновники? Как случилось, что целому народу до сих пор отказывается в праве на собственную государственность, собственную территорию?

Освежим в памяти некоторые моменты из истории.

До конца первой мировой войны Палестина входила в состав Османской империи, и ее население состояло на $^9/_{10}$ из арабов, а на $^1/_{10}$ из евреев. Причем жили обе группы в мире и согласии. Возникшее в конце XIX века еврейское буржуазно-националистическое движение — сионизм — выдвинуло идею переселения евреев из различных стран в Палестину. Она была немедленно подхвачена европейскими империалистическими державами, причем каждая из них стремилась взять сионизм под свое покровительство, чтобы утвердиться в стратегически важном районе. Сильнее других оказалась Англия, оккупировавшая Палестину в 1917—1918 годах. Одновременно английский министр иностранных дел лорд Бальфур заверил лидеров сионизма, что его правительство будет содействовать созданию «еврейского национального очага».

Почему Англия так старательно взялась поддерживать вожделения сионистов? Объяснение простое. Вот слова основоположника сионизма Т. Герцля: «Для Европы мы создадим там (в Палестине. — Ю. Т.) аванпост против Азии, мы будем авангардом цивилизованного мира против варварства». Заметьте: коренного населения этого «аванпоста» — палестинцев — будто и вовсе не существует. О них ни слова. Так народ Палестины, который воспрял было духом, избавившись от турецкого правления, вновь оказался под игом чужеземцев. Английские войска вовсе не собирались никуда уходить, а вскоре Лондон и официально превратил Палестину в свою подмандатную территорию.

Палестинцы не смирились, они восстали, решив отстоять свою независимость. Но сила, увы, была не на их стороне... И сила эта, считая по известной «логике», что она всегда права, утвердила свою власть и приступила к своей главной цели — методичному созданию сионистского «национального очага». Это означало: укрепление сионистской буржуазии с помощью ее могущественных финансовых покровителей из Европы, поощрение еврейской иммиграции, разжигание национальной вражды между евреями и арабами, всяческое ущемление прав арабского большинства, будь то в области политики, культуры, экономики или образования. Отверженное в собственном отечестве, это большинство вновь и вновь пыталось изменить течение событий, побороть воинствовавшую несправедливость. Оно восставало и в 1929 году, и в 1933-м, и в 1936—1939-м. Но снова и снова практически безоружный народ оказывался поверженным. Сила — в лице сионистов и английских войск — упорно вела дело к созданию обещанного еще лордом Бальфуром «очага».

После второй мировой войны изменения в расстановке сил среди империалистических держав немедленно сказались на Палестине. Опеку над сионистами взяли на себя США. Не прошло и пятнадцати минут после принятия Генеральной Ассамблеей ООН решения об отмене английского мандата и разделе Палестины (29 ноября 1947 года), как президент Трумэн заявил, что США признают будущее еврейское государство.

Решено было разделить Палестину на два государства — арабское (11,1 тысячи квадратных километров) и еврейское (14 тысяч). Перед палестинскими арабами вновь засветился огонек надежды. Их страна, хоть и уменьшилась в размерах, приобрела наконец самостоятельные, всеми признанные очертания. Но разразилась первая война между Израилем и рядом арабских государств (1948—1949 годы), и в результате арабская Палестина оказалась расчлененной, причем Израиль аннексировал больше половины территории, отведенной решением ООН для арабского государства, которое так и не успело оформиться. Начинался самый трагический период в жизни палестинских арабов.

Террористическая сионистская организация «Армия Хагана», действовавшая на оккупированной территории, приняла на вооружение тактику «кровопускания» — гибли ни в чем не повинные люди, разрушались, сжигались дома. В соседние арабские страны хлынула первая волна беженцев. Их тогда уже было 911 тысяч человек, и тогда же возникли палаточные городки — царство антисанитарии, болезней и нищеты. Тысячи беженцев — не только старики и малолетние, но и взрослые, полные сил мужчины — вынуждены были жить на скудные пайки, поступавшие по каналам ООН. Арабские страны, принявшие беженцев, были не в состоянии дать работу огромной массе людей, образование их детям. В Израиле осталось более 100 тысяч арабов, которые из-за расистских законодательных актов стали париями в своем отечестве.

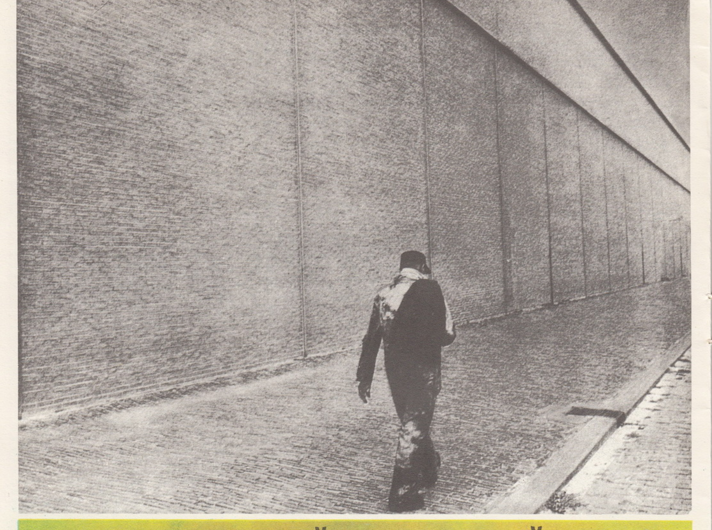
Так рушилась давняя национальная мечта палестинцев о собственном независимом государстве. Более того, оккупанты и их покровители объявили, будто палестинцы не имеют права ни на какую территорию, то есть права на родину. Буржуазная печать высказывалась на этот счет без стеснения. Вот послушайте: «Утверждение, что коль скоро данная нация занимает ту или иную территорию, то эта территория принадлежит ей на все времена, ложно, — писал английский журналист Герберт Сайдботам. — У той или иной расы нет безоговорочного права предрешать свое будущее в ущерб будущему другой расы, которая способна дать миру гораздо больше». Прямо-таки Геббельс, его слова, его «доводы»...

После агрессии Израиля против арабских стран в 1967 году из оккупированных районов западного берега реки Иордан, сектора Газа и Голанских высот бежали в общей сложности еще 400 тысяч палестинских арабов. Всего же число беженцев достигает сейчас двух миллионов человек. Иными словами, стратегия сионистов заключалась в постоянном вытеснении палестинцев с традиционно принадлежавших им земель.

Борьба палестинцев за возвращение на родину и восстановление своих национальных прав носит ярко выраженный антиимпериалистический характер. В этой борьбе у арабского народа Палестины много друзей, его правое дело поддерживают Советский Союз и страны социалистического содружества. Палестинское движение Сопротивления и его авангард — Организация освобождения Палестины сочетают вооруженную борьбу с энергичными дипломатическими действиями, которые обеспечили этой организации широкое международное признание, в том числе на форумах ООН.

Никакого политического урегулирования ближневосточного конфликта нельзя достигнуть без учета законных национальных прав арабского народа Палестины. Эта точка зрения разделяется громадным большинством в международном сообществе наций. Но правящие круги Израиля по-прежнему «принципиально» отказываются вступить в какую-либо форму диалога с палестинцами. Бывший премьер-министр Израиля Голда Меир, отказывающая палестинскому народу в праве на существование, недавно даже пообещала всякому, кто разубедит ее, часть гонорара от своей будущей книги. Можно ли сомневаться, что гонорар мадам Меир останется при ней? Но конечное слово в палестинских делах за теми, кто не падает духом, кто верит в будущее, несмотря ни на что. Как верят в это даже дети Палестины.

Ю. ТЫССОВСКИЙ

ДВОЕ ИЗ «ВЕЛИКОЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ РЕКИ»

Стадс ТЕРКЕЛ,
американский журналист

БРЮС ФЛЕТЧЕР

Стареть никому не нравится, но, боюсь, я состарился очень рано. Время мчалось быстро, пока я был совсем юным, и еще быстрее в те годы, когда я больше всего должен был бы наслаждаться жизнью. А я в двадцать один год начал седеть.

Он был одним из первых участников детской радиовикторины, той, что транслировалась по первой программе в июне 1940 года. Среди ребят он был самым младшим. Сейчас ему тридцать девять.

«Моим коньком была греческая мифология и еще — естествознание. В викторине мне задавали вопросы из этих двух областей. Дома я, бывало, сидя на полу, пролистывал книгу, а потом наизусть повторял названия всех птиц. Моя тетя Луиза была просто в восторге и звала соседей, чтобы они меня послушали. Один сосед пригласил газетчиков, те пришли, фотографировали, потом написали обо мне. Меня называли вундеркиндом.

Когда мне исполнилось одиннадцать, я уже три года участвовал в викторине, и характер у меня был прескверный. Если тебе семь лет, окружающие это еще могут терпеть. Но когда тебе одиннадцать и ты становишься подростком, это уже невыносимо. Меня больше не приглашали для передачи, хотя обычно ребята в викторине участвуют до пятнадцати лет. Я недоумевал, почему это произошло. С тех пор я просто Брюс Флетчер».

Я мечтал поехать в Нью-Йорк учиться в Колумбийском университете. Деревенщине со Среднего Запада приходится обычно начинать в Нью-Йорке с самых низов, так и мне пришлось. Я работал на фабрике. Дело там было здорово поставлено. В восемь — звонок, включают станки, и ты сам, как машина, включаешься в работу.

Потом я нашел себе место в фешенебельном мужском клубе, единственно с целью социального продвижения. Меня поражало, что там по старинке к прислуге продолжали относиться только как к прислуге, и не больше. Я зарабатывал чистыми двадцать девять долларов в неделю плюс два раза бесплатное питание. Шеф-повар старался нас накормить жуткой дрянью. Дело дошло до того, что один из нас подошел к члену клуба и протянул ему сосиску, которой и умирающего от голода щенка не станешь кормить, и сказал: «А вы не хотите ли попробовать?» В общем, через полгода я был этим сыт по горло, это точно.

Работа на фабрике мне больше была по душе, если, конечно, не считать зарплаты. Мне нравилось чувствовать себя винтиком этого механизма. Во всяком случае, в работе на фабрике не было ничего унизительного. Я мог выполнить свою дневную норму, заработать на жизнь и вообще более или менее распоряжаться свободным временем по своему усмотрению.

Когда я уже стал студентом Колумбийского университета, я работал в кафе с шести тридцати утра до трех дня. Администрация меня уважала, но многие из тех, с кем я работал, терпеть не могли, ведь у меня другие принципы, чем у них. Я не могу видеть спокойно, как я надрываюсь на работе, а другой в это время просто стенку подпирает. Я тогда ору как сумасшедший и на него накидываюсь.

После университета (в университете я был первым в своей группе по истории музыки, европейской истории и французскому) я начал работать корректором в одной из крупнейших юридических фирм Нью-Йорка. Как бы там ни было, работа в этой фирме еще раз убедила меня в том, что я гожусь на большее, чем прислуживать в кафе. Людям я или очень нравился, или они меня дико ненавидели. Но меня всегда уважали, кем бы я ни работал.

Корректорская работа совершенно испортила мне глаза, будто их жернова перемололи. Целый день глаз не отрываешь от мелкого шрифта или вычитываешь документы юристов, написанные от руки, а ино-

гда это непонятнее египетских иероглифов. Если что было не так, то спрашивали с нас, корректоров, да так спрашивали, что только перья летели.

Я ушел с этой работы, и меня, можно сказать, с почетом проводили. Дали в мою честь прощальный завтрак, на котором присутствовала чуть ли не половина штата фирмы, включая и самих юристов. Меня попросили сказать речь и долго потом аплодировали.

Самое большее, что я получал, — это семьдесят пять долларов в неделю. Хорошо зарабатывать, я считаю, это когда ты можешь в супермаркете наполнить тележку какими тебе угодно продуктами и при этом не думать о цене каждого из них. Наверное, такое навсегда закончилось уже в тридцатые годы, когда денег вечно не хватало. Ха-ха. И раньше в Нью-Йорке, и сейчас мне приходится делать одно и то же: когда я складываю продукты в тележку, я одновременно складываю в уме их цены, чтобы хватило содержимого моего кошелька.

С 1960 по 1968 год он жил на западном побережье и в Техасе. Работал диктором на трех радиостанциях, предпочитая вести программы классической музыки. Он сам составлял эти программы, отбирая пленки из десятитысячной коллекции. На одной из радиостанций работа «захватила меня на полтора года так, что я работал дни и ночи. Это была лучшая пора в моей жизни».

Перебравшись в 1968 году в Чикаго, я удалился от дел. В тридцать шесть я уже старик. На работу берут двадцатилетних, тридцатишестилетние уже никому не нужны.

Сейчас я работаю в оранжерее. Выращиваем мы только розы. Только войдешь — и на тебя нисходит мир и покой. Уединение полное — даже тех, с кем работаешь, не видишь часами. Но приходится иметь дело не только с прекрасным. У корней цветов должен лежать навоз, и я надеваю резиновые перчатки и удобряю розы.

Платят немного. Летом жара меня буквально убивает. Работаешь под стеклянной крышей, это пекло, и к концу дня на мне одежду от пота хоть выжимай. Но зато никто не шныряет у меня за спиной и не орет над ухом. Этого с меня уже хватит.

Работать в оранжерее мне нравится, чувствуешь себя свободно, ничто тебя не связывает, никто на тебя не давит. Я теперь крепче, чем раньше, ведь все время на ногах. Мой нынешний начальник — лучший из всех, что у меня были. Между нами еще не случалось никаких недоразумений — это же просто чудо. Все говорят: «С Брюсом трудно иметь дело». С Брюсом нетрудно иметь дело, если те, с кем я работаю, умные люди и не дергают меня по пустякам.

Я всегда очень сосредоточен на том, что делаю. Поэтому меня легко испугать. Если кто-нибудь подойдет сзади и внезапно заговорит со мной, когда я работаю, я прямо подпрыгиваю от неожиданности.

Мой рабочий день начинается в семь пятнадцать. Розы надо срезать нераспустившимися. Жуки и бабочки у нас не живут — нет пыльцы и нектара. Мы не даем розам распуститься, и насекомым не достать до сердцевины цветка.

С телефоном у нас сложно. Он где-то за целую милю от оранжереи. И вот мчишься к нему и мечтаешь, чтобы он не замолчал прежде, чем ты к нему подбежишь. Ведь обычно звонят, чтобы сделать заказ. От всего этого так устаешь, что иногда просто мечтаешь лечь и умереть.

Не знаю, что со мной будет дальше. Может, лучше бы мне заболеть раком, сказать: «Ах, как жаль!» — и умереть, и упокоиться с миром. Не знаю. Я бы очень хотел опять работать на радио, в программе классической музыки. Тогда я цвел, словно роза у нас в оранжерее... Я занимался своим делом.

С тех пор как я отошел от всего этого, я стал ценить тишину, уединение и умиротворенность. В бытность мою «мальчиком из викторины» я не чувствовал себя свободным. Репортеры и фотографы снуют вокруг тебя и задают идиотские вопросы. А дети не выносят таких вещей. Меня просто эксплуатировали, и я не могу простить тех, кто это делал.

Лучше бы я рос предоставленный сам себе. Если бы у меня было такое же детство, как у других, из меня бы и вышло что-нибудь более стоящее. В школе, когда я не мог ответить на вопрос, учитель говорил при всем классе: «Хоть ты и «мальчик из викторины», но сообразительным учеником я тебя назвать не могу». Зачем он так говорил!

(Тихо.) Но в свое время мы были целым явлением. Закончились времена депрессии. Америка была спокойной гаванью, и там было все, что душе угодно. И я тогда был самым младшим из участников детской викторины. Конечно, у меня все в прошлом. Сами детские радиовикторины уже в прошлом. Но это не просто прошлое — они вошли в нашу историю, и поэтому я горжусь, что тоже принимал в них участие. (Смеется.) Сейчас, когда я отошел от дел, я говорю себе — я вошел в историю, вошел!

НИК ЛИНДСЕЙ

Хоть он живет в Гошене, штат Индиана, но домом своим считает то место, где родился, — остров Эддистоун, возле берегов Южной Каролины. В сорок четыре года он отец десяти детей: старшей дочери двадцать шесть, а самому младшему — всего полтора года.

Он плотник и поэт, читает свои стихи в студенческих кампусах и маленьких кафе. «Сейчас один из тех нечастых периодов в моей жизни, когда я живу только на то, что заработаю как плотник. Линдсеи всегда были плотниками, начиная с 1755 года. Время от времени кто-нибудь выбивался в доктора, священники и всякое такое. (Его отец, Вэчел Линдсей, был врачом и известным поэтом.) В общем, в нашей семье были плотники-священники, плотники-фермеры, плотники-лавочники и просто плотники. Мужчина, когда говорит о себе, обязательно употребит глагол. Что он делает — это то, что он есть. А я вот говорю, что я плотник.

Начал я плотничать лет с тринадцати. Взял молоток и стал забивать гвозди».

Среднюю школу он не закончил. «Считаю, что так и надо — делай только то, что тебе по душе. Господь затем и снабдил человека языком. Если тебе что-то не по вкусу, плюнь, и дело с концом».

Сказать вам, что в нашей работе бывает самое неприятное? На кого, получается, ты работаешь? Есть-то надо, значит, работаешь на того, кто тебе за это платит. Это далеко не бедный человек. У другого, может, и семья большая, и крыша ему нужна над головой, но ты строишь дом не для него, а для того, кто без этого дома прекрасно бы обошелся. Строишь для человека, у которого достаточно денег, чтобы тебе заплатить.

У какой-нибудь лачуги крыша совсем обветшала. А ты возводишь дом за шестьдесят тысяч для человека, у которого и детей-то нет. Он ему не так уж нужен, просто хочет переплюнуть соседа, иметь дом лучше, чем у того. Но не поймите меня превратно, работать над этим домом — настоящее удовольствие. Так приятно работать с хорошим деревом. Оно пахнет замечательно и режется легко. Вообще дерево полно какой-то тайны. И у каждой породы дерева своя душа. Когда гвозди забиваешь, прямо сердце кровью обливается.

Что случится потом с твоим творением? Работаешь, будто колени преклоняешь. В церкви Риверсайд в Нью-Йорке между скамьями нет места, чтобы преклонить колени. (Смеется.) Если встанешь на колени, то разобьешь нос о спинку передней скамьи. Многие церкви так устроены. Так кто все-таки преклонял колени в этой церкви? Я вам скажу кто. Человек, который оборудовал туалеты, ему по работе приходится вставать на колени. Тому, кто прибивал церковные скамьи к полу, тоже приходилось быть на коленях. И тот, кто вставлял в стену розетки для риверсайдского орга́на, уж не знаю, во сколько там лошадиных сил, такого органа, что прямиком тебя на небеса отправляет, и тот, кто проводил к этому органу электричество, — они тоже работали на коленях. На любой работе человек преклоняет колени. Потому что работа — святое дело. Она необходима, как дыхание. Человек умирает, если не дышит. И в то же время работа — это таинство.

Да, вот еще почему хорошо заниматься ремеслом. Два часа работаешь подряд — такова уж традиция. Потом небольшой перерыв, еще два часа — и уже обед. Перерывы — это здорово. Десять минут, конечно, немного, но все-таки приятно передохнуть. Работаешь, работаешь, и вдруг перерыв, как друг, нежданно стучащийся в твою дверь.

Жизнь ремесленника полна компромиссов. Взгляните на эту черепицу. Это работа ремесленника, а не настоящего мастера. Мастер должен допускать лишь самые незначительные отклонения от замысла. Можно отклониться только на одну шестьдесят четвертую от угла в девяносто градусов, а отклоняешься на одну шестнадцатую. Теоретически отклонений вообще не должно быть, абсолютная точность. Идеально прямой угол. А на деле разве так выходит? Никогда. Или посмотрите вот на этот паркет. Вообще он неплох, но вот углы... Мастер пошел на компромисс. Сказал себе, и так сойдет.

Ты просто вынужден бываешь идти на компромиссы, особенно из-за самого материала. Вот недавно строили мы дом. Наружная обшивка там из кедра, а у кедра на древесине узлы от сучков, в этом его главная прелесть. Но при обработке они часто выпадают, вот в чем загвоздка. Ударишь иногда молотком по кедровой доске, и она становится похожа на кусок швейцарского сыра. Все сучки надо вставить назад, миллионы сучков. (Смеется.) Как приятно вдыхать запах дерева! Бывает, от десятифутовой доски нужен только шестифутовый кусок. Что же, выбросить четыре фута прекрасного дерева? Что с ним делать? Состыковать его незаметно с другим куском и использовать? Так использовать или нет? Идешь на компромиссы. Постараться спасти это дерево? Сжечь его? Вот какие вопросы мучат меня все время. Дерево священно. Ведь сколько времени понадобилось, чтобы оно таким выросло. Если его уничтожить — это смерть, это конец всего для дерева.

Часто качество выполнения работы зависит от того, сколько получает мастер. Чем он больше получает, тем больше и проявляет свое мастерство. Ты меня нанимаешь — я навешиваю дверь в твоем доме. Платишь мне, например, пять долларов в час. Я должен навесить дверь быстро. А если я несколько часов прокопаюсь, тебе это слишком накладно будет. Но в спешке хорошо навесить дверь практически невозможно.

Мне не кажется, что ремесленники теперь меньше гордятся своим мастерством. Вообще тут гордость ни при чем. Если обнимаешь женщину, ты что, этим гордишься? Ведь нет — от этого получаешь наслаждение. Ну, или иногда не получаешь. Если строишь дом для человека, которому он

действительно нужен, хоть и за небольшую плату, то получаешь своего рода социальное удовлетворение. Но все же хочется приложить руки к более тонкой, изысканной работе.

Время от времени случаются такие моменты, которые западают в душу. Что-то вдруг встает на свое место. Ну, скажем, заколачиваешь в обшивку отделочный восьмицентовый гвоздь. Для тебя в этот момент вся вселенная заключена в шляпке этого гвоздя. Каждым ударом по нему ты оправдываешь свое существование на земле. Говоришь себе: «Не буду даже стараться выкинуть этот гвоздь из головы, чтобы размышлять о чем-нибудь важном. Нет ничего более важного». И вот — бах! — гвоздь забит. Думаешь в этот момент не вообще о том, что заколачиваешь гвоздь на место. Сосредоточиваешься на самом ударе — прямо по гвоздю, прямо по шляпке — вот на этом ударе, вот сейчас!

Если вы увидите за работой плотника, который с душой относится к своему делу, то заметите, как он забивает гвозди. Он не старается так — тра-та-та-та-та (изображает стук пулемета) — поскорей забить один гвоздь и взять следующий. Он тоже работает быстро, но у каждого удара его молотка свое лицо, своя индивидуальность, как будто каждый из них на миг становится его другом. Он делает один удар, на смену ему идет другой, он уже совсем иной, неповторимый. Бах! Приходится останавливаться перед тем, как окончательно вбить гвоздь, вы об этом слыхали? Тогда это настоящая работа. Самый последний удар надо сделать не молотком, отложите его. Ударить по гвоздю нужно бородком, чтобы на дереве не оставалось следов от молотка.

Работал я на заводе в Южной Каролине, где делали водородную бомбу. Нет, меня не слишком заботило, что выпускал завод, потому что судный день не... (умолкает). Это не лежит тяжким грузом на моей совести, наверное, потому, что меня никто не убеждал в противоестественности того, что мы делали...

Вот есть у них там здоровый реактор, работающий на тяжелой воде и всяком таком. Над реактором надо построить здание из стекла и бетона. Поступаешь на действующий уже завод, чтобы это здание строить. Тут уже нужны мы — плотники. Я был две тысячи четыреста каким-то плотником из нанятых только вначале. Вот какое это сооружение. Там заняты три тысячи рабочих. Над каждым из реакторов строили целый город. Значит, мы построили двенадцать или даже больше городов только в одном графстве.

Все мы понимали, что делаем водородную бомбу. Работа была секретная, часовые в воротах, вокруг колючая проволока, шпики шныряют, и тому подобная чепуха.

Основную часть рабочих составляли фермеры. Впервые после того, как долгоносик сожрал весь урожай в этой части страны, люди получали нормальную заработную плату — этого нельзя недооценивать. Это же просто парадокс какой-то: приходят янки (то есть жители северо-восточных штатов. — **Прим. перев.**), и мы им помогаем делать водородную бомбу, они в первый раз после гражданской войны нам прилично платят, и надо же за что — за бомбу!

В Блумингтоне, штат Индиана, я видел, как многие женщины зарабатывают себе на жизнь тем, что делают бомбы. Когда была выпущена миллионная бомба, это событие отметили грандиозным пикником. А эти бомбы бросают на людей. Студенты устраивают демонстрации протеста против этих бомб. Должно быть, женщины, делающие их, думают не о том, чем они заняты, а только о том, сколько им платят...

Вот некоторые говорят: «Я поэт. Я лучше тебя. Я иной, ни на кого не похожий». Думается мне, они неверно судят о поэзии. Это ведь как песня пересмешника, а редкий пересмешник не поет. Так и с поэзией. Она — прирожденное свойство каждого, отчасти для нее мы и созданы. Поэзия — естественная форма существования человеческой речи. Я говорю, что я плотник и поэт. И никакого противоречия в этом нет.

(Говорит нараспев.) Работа — это такое огромное понятие. Настоящая работа и подделка под нее. Да, бывает подделка под настоящую работу, и это проституция. Но есть великая притягательная сила в дне зарплаты. «Что же, — спросите вы, — раз мне платят за работу, значит, это проституция?» Нет, не так. Но как доказать, что твоя работа настоящая? За это надо бороться. А тут еще очарование дня зарплаты: горы еды на столе, молодое вино, рубашки только что из магазина...

Перевела с английского Н. Толкунова

КАК В РИВЕРСАЙДСКОЙ ЦЕРКВИ

Есть книги — их большинство: они написаны ни за чем. И все-таки без них в литературе было бы пусто и скучно, как было бы пусто и скучно в жизни одним гениям, останься они без нас — людей обыкновенных. Книга Теркела, талантливого слушателя других людей, принадлежит именно к таким книгам. У него нет собственного взгляда, который он мог бы отстаивать с равными жертвами перед собой, перед людьми и еще перед чем-то, что некоторые, не умея найти ничего лучшего, называют богом. В этой книге нет того единственного элемента, который вместе с талантом и рождает писателя — писателя вне времени. Наоборот, книга Теркела о совершенно определенном времени. Он прекрасный слушатель, потому что умеет сидеть перед говорящим молча, умеет не перебивать его, сумев внушить ему, что слова его он не употребит во вред, не исковеркает их, а произнесет их так же просто и естественно, только во много крат громче, чем мог бы это сделать каждый из его доверчивых собеседников.

Этот голос рабочих людей Америки прозвучал впервые в 1974 году. Тогда вышла книга Теркела «Работа».

Теперь этот голос дошел до нас [1].

Это голос о самом «святом деле», как понимает это плотник и поэт Ник Линдсей, потому что работа, по его словам, «необходима, как дыхание», а «человек умирает, если не дышит».

По-видимому, есть смысл верить плотнику и отцу десятерых детей, говорящему так. Есть смысл прислушаться к нему с полным доверием, чтобы понять, что у него болит и где же ему плохо, как есть смысл прислушаться ко всем остальным голосам в этой книге, потому что они столь же естественны.

Так что же происходит?

Кажется, происходит вот что. Откажемся сразу от того, что это самые несчастные или неблагополучные люди. Есть куда неблагополучней и несчастней, потому что есть уже потерявшие или полупотерявшие свое «святое дело» — РАБОТУ. Ни Брюс Флетчер, ни тем более Ник Линдсей не принадлежат к ним. Больше того, они счастливы конечным счастьем людей, знающих, что другого не будет.

«Социального успеха» у Брюса Флетчера не получилось, а «социального удовлетворения», которое иногда чувствует Ник Линдсей, научившись беречь это чувство, Брюс не получал никогда. «Мальчик из викторины» истерично говорит сам себе: «Я вошел в историю, вошел!» Но он знает, какой ценой ему это удалось сделать. Успех манил его всегда. Ради него он еще ребенком, сидя на полу, бессмысленно заучивал названия птиц. Ради него потом «надрывался» на работе, «накидываясь» на других. Все или ничего — было его девизом, внушенным ему с детства. И он устал.

Он почувствовал себя свободно как раз тогда, когда «лучшая пора жизни» прошла: «Ничто тебя не связывает, никто на тебя не давит». Он стал даже «крепче, чем раньше, ведь все время на ногах». А уж начальник — «лучший из всех, что у меня были.:. это же просто чудо»!

Что уж говорить о Нике Линдсее, который может заколачивать «отделочный восьмицентовый гвоздь» и чувствовать поистине нечто удивительное, потому что для него «в этот момент вся вселенная заключена в шляпке этого гвоздя. Каждым ударом по нему ты оправдываешь свое существование на земле».

Одно плохо. Плохо, что Брюс уже поседел. Плохо, что ему попросту не удалось жить, потому что ему, такому, каков он есть, в сущности, не нашлось в жизни места. И тогда он решил спрятаться возле роз. Спрятаться и вздрагивать всякий раз, как только кто-то заговорит с ним. Спрятаться и вспоминать: «Тогда я цвел, словно роза у нас в оранжерее».

Сказав это, он даже забыл, что розы в его оранжерее не цветут — жуки и бабочки не живут там, им «не достать до сердцевины цветка»!

Он прекрасный работник. Но можно ли удивить этим Америку? Он в общем-то несчастный человек. Но, как выясняется, и этим Америку не удивишь.

И они похожи с Ником, потому что один вспоминает, что его «просто эксплуатировали», и никак не может простить тех, кто это делал; другой же говорит еще прямее: «Сказать вам, что в нашей работе бывает самое неприятное? На кого, получается, ты работаешь? Есть-то надо, значит, работаешь на того, кто тебе за это платит».

Человек хочет работать, «будто колени преклонять», а строит «дом для того, кто без этого дома прекрасно бы обошелся». Человек хочет работать так, как обнимает женщину, а делает бомбу, успокаивая себя тем, «что судный день не... (умолкает)». Человек думает о том, что случится потом с его творением, а «преклонить колени» может лишь там, где не хотел бы этого делать, или вынужден жить, не преклоняя коленей, потому что сделать это негде, как нельзя сделать это в церкви Риверсайд в Нью-Йорке.

Любая книга дороже предисловия к ней. И все-таки предисловия пишут, предполагая, что в них — маленьких — есть то, что не поместилось в большие книги. Есть предисловие и у «Работы» Теркела. Оно принадлежит самому автору. Предполагая, что на шестистах с лишним страницах книги у него это не поместилось, старый чикагский журналист Стадс Теркел написал: «Эта книга, имея своим предметом работу, по самому своему характеру есть книга о насилии — над духом так же, как над телом... Это книга о каждодневных унижениях. И в то же время это книга о поисках насущного смысла жизни, а не только хлеба насущного, признания, а не только денег, удивления, а не только отупения; короче, о поисках своего рода жизни, а не умирания с понедельника по пятницу».

Ю. СТЕПАНОВ

---

[1] Небольшая часть книги Стадса Теркела опубликована в журнале «Иностранная литература» в первом номере за этот год. Полное название книги: «Работа. Люди рассказывают, чем они занимаются весь день и что думают об этом». Количество судеб, включенных в книгу, настолько огромно, что нью-йоркский профессор Маршалл Берман, рецензировавший «Работу», назвал эту массу «великой человеческой рекой».

◀*Плакат, призывающий к борьбе против антидемократического «закона о профессиях».*

тельской группы ГКП; в-третьих, в сентябре 1973 года был выбран делегатом от округа Гамбург — Центр на земельную партийную конференцию.

Узнав, что Эрднер должен стать жертвой постановления земельных министров об увольнении «радикалов» с государственной службы, ученики и их родители встали на его защиту. Школьный совет в резолюции, подписанной почти 250 учащимися, потребовал не применять постановление о «запрете на профессии» к Томасу Эрднеру. Упрек Эрднеру, что он не демократ, говорится в этом документе, несостоятелен. Помимо прочего, отделения биологии и химии испытывают острую нехватку преподавателей, и потому без Эрднера невозможно обеспечить «хоть мало-мальски приемлемый уровень преподавания». В протесте родительского совета сказано: «Нам не известно ни одного случая политических действий или высказываний Томаса Эрднера в школе».

С поддержкой выступили и коллеги. В их письме Эрднер охарактеризован как «в высшей степени дружелюбный, контактный, всегда готовый прийти на помощь коллега», как учитель с замечательными профессиональными знаниями и педагогическими качествами.

Все это подтверждает и директор гимназии д-р Густав Гоффман. В своем письме в отдел кадров сената 28 февраля 1975 года он сообщил, что за время работы Эрднера в гимназии не было ничего такого, что заставило бы усомниться в его лояльности конституции. «Напротив,— писал он, — мы должны благодарить именно г-на Эрднера и его способность объективно воспринимать и оценивать конфликтующие точки зрения, так как именно его участие на наших собраниях помогло нам выработать общие принципы, обеспечившие демократическое единство трех сторон — учащихся, учителей и родителей». И далее: «Мне было известно о членстве г-на Эрднера в ГКП, легально признанной в ФРГ... Но сомнения отдела по кадрам в пригодности г-на Эрднера к зачислению на государственную службу пожизненно мне, как и прежде, совершенно непонятны и представляются несостоятельными как чисто по-человечески, так и с юридической точки зрения».

ПРОКРУСТОВО ЛОЖЕ «ЛОЯЛЬНОСТИ»

Сюзанна МЕРСМАН,
«Штерн», Гамбург

Жил-был учитель — любимый учениками и ценимый коллегами; положенный экзамен на право преподавания он выдержал на «очень хорошо». Короче, это был прекрасный педагог. А поэтому директор школы подал ходатайство в школьное управление Гамбурга — а дело было в этом городе — о досрочном присвоении ему пожизненного звания «школьного советника» (зачисленные в эту категорию пользуются всеми привилегиями государственных чиновников — гарантией работы, пенсией и т. д.).

Учителя, о котором идет речь, зовут Томас Эрднер. Он преподает с 1 февраля 1972 года в качестве «исполняющего обязанности школьного советника» на отделениях биологии и химии в гимназии Гамбург-Лангенхорн.

В ответ на ходатайство дирекции школы 18 февраля 1975 года отдел по кадрам гамбургского сената прислал Эрднеру бумагу, уведомлявшую, что «к зачислению на государственную службу пожизненно пригоден лишь тот, кто выступает за свободный демократический порядок в духе конституции». То есть у сенатских чиновников возникли сомнения в лояльности Эрднера. Почему? Потому что он, во-первых, в январе 1971 года был членом якобы прокоммунистической организации «Кружок по изучению политики в области просвещения» (на самом деле в эту организацию входят люди различных политических убеждений. — *Прим. ред.)*; во-вторых, в 1972 году стал членом учи-

Юридически несостоятельным считает намерение гамбургского сената выставить 32-летнего учителя на улицу и профсоюз работников просвещения и науки, членом которого Эрднер является. Профсоюз ссылается при этом на то, что согласно постановлению федерального конституционного суда учитываться должны также личные качества человека. Что касается работников системы просвещения, прошедших испытательный срок (как в случае с Эрднером. — *Прим. ред.),* то решающим для определения их дальнейшей судьбы должно быть мнение, сложившееся за это время у их непосредственного начальства. Вот, например, что по этому поводу говорит один судья из Карлсруэ: «При вынесении приговора о том, отвечает ли претендент предъявляемым требо-

ваниям (лояльность по отношению к конституции), основное значение следует придавать мнению администрации о своем непосредственном подчиненном».

Повторим, что Томас Эрднер уже работал «и. о. школьного советника» и заслужил от учащихся, коллег и начальства только похвалы. Однако гамбургский сенат (состоящий, кстати, из социал-демократов) с этим не посчитался. Сенаторы хотят уволить Томаса Эрднера, предпочитая прислушиваться к тому, что говорит даже не судья из Карлсруэ, а шпрингеровская газета «Вельт», которая (явно провоцируя сенат) писала: «В случае его (Эрднера) зачисления на государственную службу пожизненно ему, как поговаривают, предстоит блестящая карьера в ГКП».

ГАМБУРГ, ПО ТЕЛЕКСУ

Мы попросили сотрудников газеты западногерманских коммунистов «Унзере цайт» выяснить дальнейшую судьбу Томаса Эрднера. И вот по телексу (этот вид связи сродни телефону, только диалог идет с помощью машинописи) пришел ответ за подписью Ины Кушник.

Увы, наши худшие предположения оправдались. Томас Эрднер сейчас без работы. Решение о его увольнении было принято гамбургским сенатом в самом начале нынешнего учебного года, 9 сентября. Это практически лишает его права вообще заниматься преподавательской деятельностью, а он, педагог по призванию, любит и знает свое дело. Об этом говорят многочисленные отклики его коллег. Вот выдержка только из одного письма протеста по поводу увольнения Томаса Эрднера: «Нам приносят большую пользу педагогические познания и активное сотрудничество г-на Эрднера. Недаром, проработав в гимназии всего год, он уже был избран (33 голосами из 39) на общешкольную конференцию. Учитывая проявленные коллегой Эрднером педагогические и организаторские способности, учитывая наше полное к нему доверие, мы ни на йоту не сомневаемся, что он и впредь необходим нашей школе. Сомнения сенатской службы в том, что г-н Эрднер достоин пожизненного зачисления на педагогическую работу, совершенно беспочвенны» (60 подписей).

12 февраля Ина Кушник встретилась с Томасом Эрднером. Он не падает духом, о чем свидетельствуют его слова, обращенные к читателям «Ровесника»:

«Становится все очевиднее, что антидемократический „запрет на профессии" направлен не только против коммунистов, но и против всех демократов, либералов и профсоюзных активистов. Запугать представителей интересов трудящихся понадобилось для того, чтобы монополистический капитал мог без помех продолжать эксплуатацию населения. Все те же реакционные силы, которые при Бисмарке и Гитлере травили и коммунистов, и социал-демократов, нашли сегодня поддержку у правящей социал-демократической партии. Но сопротивление закону о „запрете на профессии" растет. Протестует против него, против нового наступления на демократию в ФРГ и международное демократическое движение. Борьба против „запрета на профессии" будет успешной, если все демократы объединят свои усилия».

Ина Кушник добавила от себя в заключение, что в последнее время за границей возникли комитеты борьбы против «запрета на профессии». Они уже действуют в Дании, Франции, Люксембурге и Голландии.

СУДЬБА ОДНОГО — СУДЬБА МНОГИХ

ТАБУ НА ИНАКОМЫСЛИЕ

Случаи, подобные описанному здесь, стали ординарным явлением в жизни сегодняшней ФРГ — людей увольняют или не принимают на работу из-за их политических убеждений.

Все началось с принятого в 1972 году постановления глав земельных правительств, согласно которому надлежало очистить государственные ведомства от «радикальных элементов». Постановление это, по замечанию многих политических обозревателей, продолжает давнюю традицию «охоты за ведьмами» — кайзеровского «закона против социалистов» от 1878 года, дискриминационных постановлений, с которых начался гитлеровский рейх, «Указа Аденауэра» от 1950 года об увольнении служащих, заподозренных в «деятельности против демократического правопорядка». В роли продолжателей этой антидемократической традиции оказались теперь... социал-демократы, сами не раз бывавшие в прошлом жертвами реакционных законодательств. А именно социал-демократическое правительство провело через бундестаг в октябре 1975 года «закон о профессиях», подтвердивший постановления глав земельных правительств от 1972 года. По этому закону тот, кто обвиняется во «враждебном отношении к конституции», лишается должности в государственных ведомствах. В Федеральном ведомстве по охране конституции — политической полиции ФРГ — гора подобных дел стала особенно быстро расти с прошлого года. Еще бы, ведь достаточно доноса, чтобы личностью преподавателя, чиновника, служащего, рабочего заинтересовалась охранка. Печать, и западногерманская, и иностранная, сообщает, что в ФРГ стала сгущаться атмосфера всеобщей запуганности и неуверенности. Уже не сотни — тысячи людей лишились работы по политическим причинам. Точное число их неизвестно — официальных данных не сообщается, а сами пострадавшие часто предпочитают не афишировать настоящего мотива увольнения, чтобы не повредить себе в поисках работы в других местах, на этот раз в частном секторе.

Зато известно, что этот «маккартизм по-западногермански» (выражение, уже пущенное в обиход самой буржуазной печатью) обрушился не только на коммунистов, как рассчитывали авторы закона о «радикальных элементах», но и на многих социал-демократов, особенно молодых социалистов. Удивляться этому не приходится, так как исполнители на местах — судьи, чиновники политической полиции, члены так называемых «опросных комиссий» — сплошь и рядом люди, которые для слов «социалист», «коммунист», «либерал», «радикал» знают один синоним: «красные». А «красных», по их разумению, надо к ногтю... Тем более что появился подходящий закон. Так социал-демократы, стремясь во что бы то ни стало доказать, что они ничуть не хуже правой оппозиции, партии Христианско-демократический союз и штраусовского Христианско-социального союза, «охраняют» страну от «хаоса» и коммунизма», выпустили на волю джинна, который оборачивается и против них самих.

О масштабах кампании по выявлению инакомыслящих можно судить хотя бы по тому, сколько людей прошло через унизительную процедуру проверки на благонадежность. По данным Президиума Германской коммунистической партии, созданные Ведомством по охране конституции так называемые «опросные комиссии» за последние четыре года допросили в общей сложности 800 тысяч служащих и поступавших на государственную службу. Итог — тысячи уволенных или не допущенных к работе. Но никакая статистика не учитывает другого итога — изломанных человеческих судеб, душевных травм, а порой и эрозии личности. Не у всех хватает сил и мужества не сдаться перед политической инквизицией, остаться без средств к существованию, без надежды устроиться на работу и не изменить при этом своим убеждениям.

«Уважаемый господин адвокат! В дополнение к письму от 2.9.74. Исх. №... просим Вас представить заверенную копию заявления Вашего клиента о выходе из марксистского студенческого союза «Спартак» в марте 1974 года. В интересах Вашего подопечного было бы также полезно представить копию иска о разводе в том случае, если в качестве причины развода будет указано, что его супруга продолжает состоять в ГКП». Это выдержка из письма чиновника министерства по делам культов адвокату одного из тех, кто собирался поступить на государственную службу. Человек не выдержал травли и предал и жену, и свои убеждения...

Итак, для «левых радикалов» — дотошные проверки и категорический запрет на занятие государственных должностей. Но ведь формально закон распространяется на всех «радикалов», в том числе на правых, прежде всего членов неонацистской НДП. Что происходит с ними?

Вот ситуация. Член «праворадикальной» партии, проще говоря, неонацист, учительствующий в школе, совершил антиконституционный поступок — агитировал в пользу НДП в Майнце. Карающая десница в лице местных властей вышвырнула его за порог школы, но... как оказалось, преждевременно. Поторопились в Майнце, забыли тот пункт закона о «радикалах», где говорится об «индивидуальном подходе». Административный суд, куда обратился обиженный «радикал», восстановил его на службе ввиду «неочевидности» того, что НДП антиконституционна.

Может не опасаться за свое будущее и учитель реальной школы в Бохуме неонацист Уве Клаас. А учительствующая в Любеке неонацистка Эва Давид-Хаппах настолько уверена в себе, что сама предложила проверить ее на благонадежность, чтобы «доказать свою верность конституции». Земельное правительство «с благодарностью» отклонило это предложение. В городке Нойштадт (Шлезвиг-Гольштейн) преподает географию неонацист Уве Рейнганс. Если спросить его учеников, что они знают о ГДР, можно услышать такой ответ: «ГДР? Не понимаю, о чем вы говорите. Может быть, вы имеете в виду Среднюю Германию? Лучше я расскажу вам про Восточную Пруссию. Учитель говорит, что Восточная Пруссия — это немецкие восточные области, которые находятся под советским и польским управлением...»

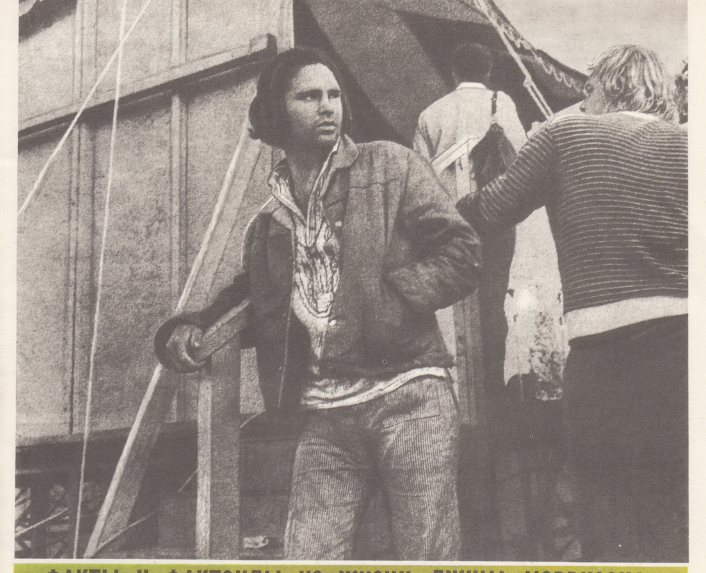
Один из лидеров НДП прямо заявил весной 1975 года: «Не может быть и речи о том, чтобы нашим членам угрожала опасность получить отказ в приеме на государственную службу или быть уволенными».

«Запрет на профессию» пока официально существует лишь в сфере государственной службы. Но и частные предприниматели, внимательно следящие за тем, какой ветер дует в Бонне, начали перенимать практику запретов. Фирмы, оперирующие с недвижимостью, стали вносить в договоры на аренду жилья такой пункт: квартиросъемщики, заподозренные в том, что они являются «врагами конституции», подлежат выселению. Испытательный срок, который проходят на крупных предприятиях рабочие, часто используется для того, чтобы проверить не столько профессиональные навыки испытуемого, сколько его убеждения. Администрация составляет досье на каждого сотрудника и держит специальный штат доносчиков и соглядатаев. Практика «проверки на благонадежность», естественно, вырождается в гнусную слежку за образом мыслей и настроениями.

Однажды студенты университета в Тюбингене вышли на демонстрацию против нового закона о высшей школе. Кто-то случайно обратил внимание на «безобидного фотографа», который безостановочно щелкал затвором камеры, наводя объектив на демонстрантов. Студенты решили поближе познакомиться с неизвестным. У него отобрали чемоданчик, в котором оказались: блокноты с записями имен и фамилий, бинокль, наручники, пистолет, подслушивающие устройства и другие аксессуары тайного агента.

Гамбургский еженедельник «Штерн» недавно констатировал: «Допросы с пристрастием, ложные обвинения, подозрения и дознания, проводимые Ведомством по охране конституции, — все это уже давно стало обычным делом для тех, от кого зависит поступление на государственную службу». Это делается, как известно, с целью защиты конституции — той самой, что провозглашает (в статье 33, § 3): «Никого не разрешается ущемлять в правах по причине его принадлежности к тому или иному мировоззрению». Делается в обществе, называющем себя «свободным» и «демократическим» и, кстати, весьма громко настаивающем на строгом соблюдении всеми участниками Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе обязательства «уважать права человека и основные свободы, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений». Выходит, в этом и состоит свобода — чтобы слово и дело могли расходиться сколь угодно сильно? Понятие странное, но давно привычное для буржуазного «общества равных возможностей».

Е. БОВКУН

ФАКТЫ И ФАКТОИДЫ ИЗ ЖИЗНИ ДЖИМА МОРРИСОНА, МУЗЫКАНТА И ПОЭТА

Мик ФЭРРЕН,
английский журналист

Какие только эпитеты не приклеивали к этому человеку — он и мистик, и поэт, революционер и пьяный клоун, скандалист, подонок, гений. А сам он играл себе на гитаре, писал песни и снисходительно позволял нашим сверхпрогрессивным пошлякам фантазировать на его счет.

Имя Джима Моррисона было на какое-то время одним из синонимов молодежного движения Америки — подобно Бобу Дилану или Джими Хендриксу. Но бури шестидесятых годов отшумели, молодые стали старше...

Джим Моррисон умер. Только если бы не было смерти физической, если бы тело его еще продолжало жить, в нем все равно уже начинался духовный распад, который бы кончился, быть может, чем-то даже худшим, чем смерть. Но в какой-то мере история Джима Моррисона вобрала в себя тысячи историй молодых американцев наших лет. Может, поэтому и стоит в ней разобраться.

Джеймс Моррисон, в народе известный как Джим

Если начинать с самого начала — а как же иначе? — нам придется ради экономии времени воспользоваться приемом скорее кинематографическим — приемом «монтажа с перебивками». Ну, попробуем.

«У вас сын, миссис Моррисон, сын!»

Дитя играет на коленях у счастливой матери, счастливая мать передает его обшитому золотыми галунами счастливому отцу, дитя оцарапалось о папину медаль, плачет.

Хорошенький чернокудрый постреленок грустно глядит в окно. За окном, конечно, дождь.

Джим играет в бейсбол, мчится по полю. Картинка мутнеет.

Джим становится старше, вот он опять глядит в окно, губы шевелятся — бормочет стихи.

Первая ссора с отцом, вторая, оскорбления. ненависть. Он бежит в дождь.

Голос за кадром: Джеймс Дуглас Моррисон родился 8 декабря 1943 года в Мельбурне, штат Флорида. Единственный сын контр-адмирала Дугласа Моррисона — семья с давними традициями карьеристов-милитаристов.

Позже он не раз заявлял, что его родители умерли. Это не так.

В 1961 году он окончил школу в Александрии, штат Вирджиния. Провел год в колледже, затем перешел во Флоридский университет, где проучился немногим больше года. В 1964 году он...

Стоп! Минуточку! Вам не кажется, что вы завираетесь? С чего это вы решили, что Джим был романтичным мальчиком? А может, он был драчливым бойскаутом или же толстяком, не умеющим ладить с товарищами? Зачем приукрашивать?

Конечно, подобные штампы большого доверия не вызывают, но мы точно знаем, что в какой-то момент Джим раскусил, что стоят все эти обитые голубым шелком комфортабельные мышеловки, равно как и высокопочитаемые военные традиции, соблаз-

ненные горничные, клубы, добрососедские убийства и скучный страх перед будущим.

И однажды Джим удрал.

Моррисон очутился в Лос-Анджелесе. Имя его можно отыскать в списках студентов отделения искусств местного университета. Десятью годами раньше это же отделение посещал Джеймс Дин[1]. Только Дин изучал актерское мастерство, а Моррисон учился снимать фильмы. После первых месяцев привыкания к развеселой жизни будущих кинематографистов Джим привык к ней настолько, что она ему просто осточертела, и, хотя интерес к кино не исчез, интерес к учебе «на киношника» улетучился бесследно. Мы находим его живущим уединенно в трущобах на берегу Тихого океана, обедающим на городских свалках и играющим в увлекательную возрастную игру под названием «Мой внутренний мир».

Лос-Анджелес поставлял таким, как Джим, не только пищу, он давал им и моральную поддержку, поскольку в теплом безразличном климате этого города удобно было жить неудачникам.

Лос-Анджелес, а точнее Голливуд, больше похож на декорацию города, чем на город. И населяет эту декорацию неистребимое племя мечтателей о славе и богатстве, которые дает призрачный белый экран. Конечно, лишь немногие достигают экрана. Остальные вынуждены прозябать в тоскливых ролях продавцов или стенографисток. Но им все кажется, что эти жизненные роли лишь временные и что потом...

Если вы остановились на бензозаправочной станции, то очень скоро убеждаетесь, что стекла вашей машины протирает не служащий бензоколонки, а актер, снисходительно играющий служащего бензоколонки. Молодые люди делают это в стиле Поля Ньюмена, люди постарше — точь-в-точь как Джон Гарфилд, но все они так или иначе играют перед вами — единственным зрителем.

Восьмидесятилетние старушки фланируют по легендарным голливудским бульварам в костюмах и гриме 23-летних девушек. Старички в двуцветных штиблетах и костюмах а-ля Фред Астер сидят в открытых кафе. Сидят они с этими чашечками за этими столиками с 1935 года — все боятся уходить с места, потому что в 1935 году они дали менеджеру адрес этого кафе — на случай, если за ними пришлют и пригласят на главную роль в новой музыкальной комедии. У ног их стоят маленькие чемоданчики — когда-то их называли «балетками».

Уличные девушки играют Фэй Данавэй или Мерилин Монро, играющих уличных девушек. Бизнесмены играют в актеров, исполняющих роли бизнесменов. И все это движется по кругу, и конца этому не видать.

В этом городе даже улицы не улицы, а исполняют роль улиц. Центральный почтамт похож на дворец Клеопатры, а полицейский участок настолько вжился в роль, что его прямо не отличить от Настоящего Американского Полицейского Участка — я даже видел, как в нем кого-то колотили. Но ведь кровь-то была нарисованная, да?

Все дома в этом городе, начиная с пряничного фасада магазина дамского белья Фредерика и кончая золотыми драконами Китайского театра Айзека Громштейна, сошли с ума. Им все кажется, что они играют роль домов в какой-то бесконечной ленте. Так если даже дома «тронулись», как быть людям? Вот и бродят по улицам Лос-Анджелеса сумасшедшие, и никому в голову не приходит, что эти люди живут в другом измерении.

Здесь, в Голливуде, Моррисон начал тянуться к чудакам и монстрам-самозванцам. Он полюбил спившихся швейцаров, убийц, которые умели петь под гитару красивые мексиканские песни, он полюбил сутенеров и их усталых подруг, ему нравился детский язык предсказателей будущего.

Это сочувствие к людям искалеченным, выброшенным за борт и стало потом у Моррисона одним из мотивов творчества.

«Музыка, друг мой единственный...»

Летом 1965 года он наткнулся в трущобах Венеции — одного из лос-анджелесских пригородов — на своего старого университетского приятеля Рэя Манзарека. Джим уже начал писать песенки — «для себя», а Рэй, в свое время не выдержавший натиска родителей и выучившийся играть на рояле, работал тапером в каком-то притоне. И оба, конечно, мечтали и о славе, как все молодые, но скорее о возможности выбраться на поверхность и высказаться. А единственным способом высказаться, чтобы тебя поняли или хотя бы хотели понять, считали тогда музыку.

Они написали свою первую песню. Были в ней такие слова:

Давай взберемся по лунному свету,
Посмотрим на город, что спит в ночи,
На тайны его, на любовь, на муку.
Ну что ж ты боишься? Скорей дай мне руку!

Песню дали прослушать нескольким компетентным лицам. Компетентные лица сказали: ну что ж, милые слова, милая мелодия, почему бы им не попробовать? Благо совет этот ни к чему не обязывал.

Ребята решили сколотить группу. Манзарек кинулся на розыски. Через некоторое время он нашел то, что искал, — ударника Джона Денсмора и гитариста Робби Кригера — в самом, казалось бы, неподходящем месте — в «Центре медитации», где те изучали великую науку самопознания под руководством смешливого юного гуру Махараджи Джи.

После недолгих репетиций группа, решившая назвать себя «Двери» (кто-то из ребят вычитал строчки великого английского поэта конца XVIII — начала XIX века Уильяма Блейка: «Есть ведомое, и есть неведомое, а между ними — двери»), выступила в небольшом кабаре на бульваре Сансет. Они работали здесь три месяца по четыре часа каждый вечер и получали за это 45 долларов — на всех.

Но музыка их «показалась», и новую группу пригласили выступить в «Виски Эй Гоу-Гоу» — престижное место для тех, кто собирался зарабатывать на хлеб рок-н-роллом. К тому же фирма грамзаписи «Коламбия» заключила с ними контракт — так, на всякий случай. Начало показалось ребятам многообещающим, и они уже стали прикидывать, как распорядиться «кучей деньжищ».

Они записали свой первый альбом только в начале 1967 года. Запись руководил продюсер Пол Ротшильд. Он вспоминает: «Впервые в жизни я был так взволнован — эти мальчуганы разыгрывали здесь, в студии, настоящую драму в музыке, и когда Джим Моррисон начал петь: «Понимает ли кто меня?» — я не выдержал и ответил: «Я понимаю». Запись была безнадежно испорчена. Но это все чепуха, потому что Джим подошел ко мне, положил мне руку на плечо и говорит: «Не бойся, отец, я тебе помогу. Я помогу тебе избавиться от всех твоих комплексов, я помогу тебе найти свое «я» и вернуться в реальность».

Эта псевдопсихологическая абракадабра произвела на старика Ротшильда и на администрацию «Виски Эй Гоу-Гоу» неизгладимое впечатление, правда, их впечатления были полярно противоположны — в «Виски Эй Гоу-Гоу» решили, что Моррисон сошел с ума, и выгнали группу.

«Фактоиды — это факты, которых не существовало, пока о них не написали газеты или журналы»

Эти слова Нормана Мейлера как нельзя более точно описывают дальнейший путь Джима Моррисона и «Дверей».

Но сначала давайте посмотрим, как обстояли дела с рок-музыкой вообще. К этому времени для того, чтобы выдвинуться, уже недостаточно было владеть школой игры на гитаре и знать несколько банальных мелодий — в моду как раз входили мыслящие индивидуумы. А у Моррисона был сей недостаток — он умел думать. Джим написал цикл песен, невероятно сложных по ассоциативному строю. Продраться сквозь его новые тексты положительному и здравомыслящему американцу было невозможно, зато их интонацию прекрасно понимали старые знакомцы Джима — ночные бродяги Лос-Анджелеса.

Их понял Дэнни Шугармэн — пьяница с тринадцатилетним стажем безработного актера. Он понял их так хорошо, что заплакал, когда впервые услышал какую-то песенку Моррисона. Он разыскал группу и попросился к ним работать — все равно кем, лишь бы быть рядом с Моррисоном. Ребята пожалели его и возили потом за собой всюду — в качестве талисмана и по совместительству носильщика.

Сейчас Дэнни, пожалуй, единственный более или менее верный источник информации о Моррисоне; впрочем, и из рассказов других людей можно кое-что выудить.

Для одних — особ романтического склада с неудавшейся личной жизнью — Джим Моррисон был одаренным поэтом, избранником типа Эдгара Аллана По, истерзанным своей гениальностью.

Для других он был чем-то вроде Ангела Ада — жестоким, грубым пьяницей, затянутым с ног до головы в черную кожу.

И так далее, и тому подобное.

Дэнни Шугармэн говорит: «Джим был добрым парнем. У него был только один недостаток, часто встречающийся у людей нервных, не уверенных в себе, — он все время был, как говорят актеры, «в наигрыше», «на котурнах». Но это был умный актер, он понимал природу театра и очерчивал свой образ — каждый раз новый — лишь слегка, он никогда не перегибал палку. Он знал, что услужливое воображение окружающих доделает остальное. А сам в это время посмеивался над произведенным впечатлением — ему казалось, что таким образом он сможет оградить себя и свое творчество от вторжения: фантазируйте, мол, на здоровье, до меня-то вы все равно не доберетесь».

А они добрались.

Как я уже говорил, в это время в моду входил нонконформизм. Но и без моды многие все равно начинали задумываться; наивный голубоглазый оптимизм предыдущих поколений увядал под зарождавшимися смутными ветрами молодежной революции. Умные люди из средств массовой информации начали потихоньку разнюхивать, что к чему среди этих непонятных молодых, и осторожно приручать их к заработкам — авось денежки отвлекут их от увлечения бунтарскими фразами. Дали заработать и «Дверям», начали создавать им рекламу. Вокруг Моррисона засуетились пройдошливые мелкие репортеры. Но Джим им спуску не давал.

Первой его жертвой стала некая Джоан Дидион из «Нью-Йорк таймс мэгэзин». Ей разре-

[1] Джеймс Байрон Дин — известный американский актер начала 50-х годов, создавший образ «рассерженного молодого человека», бунтаря. Он погиб в 1955 году — так же, как погибали его киногерои,— в автомобильной катастрофе. Автор упоминает также имена других известных голливудских актеров: Поль Ньюмен играет, как правило, сильных, одиноких, отбившихся от общества людей; амплуа Джона Гарфилда были преследуемые, агрессивные герои больших городов времен «Великой депрессии» 30-х годов; Фред Астер — известный танцор и актер, создавший уникальный стиль музыкальной комедии предвоенных лет; Фэй Данавэй известна нашим зрителям по фильму «Маленький большой человек» (он шел на VII Московском кинофестивале), где она сыграла роль жестокой, циничной соблазнительницы. **(Прим. ред.)**

шили присутствовать при записи очередного альбома группы. И здесь, на студии, Джим закатил целый спектакль — пока все бранились да бегали вокруг, готовясь к работе, Джим молча сидел на диване, уставившись немигающим взглядом на устроенный им костер из спичек. Участники ансамбля не обращали на него никакого внимания: так умная мать не замечает выходки рассерженного ребенка. Однако мисс Дидион заметила и лопотала потом в своей статье, что «во всем этом было нечто символическое, в духе ритуального самосожжения». Какая символика, какое самосожжение?!

Дальше — больше. В печати стали появляться сообщения о том, что он скупил и выпустил на улицу всех обитателей зоомагазина в Сан-Франциско — в число освобожденных входили две очковые змеи. Моррисон на званом обеде поймал муху и съел ее. Моррисон ходил по проволоке, натянутой над улицей.

Подобным историям не было конца. И все они были **фактоидами.**

Но теперь стало неважно, происходили ли они на самом деле. Они могли произойти. Или их мог придумать сам Моррисон или пресс-агент группы.

В чумном мире сплетен Джим Моррисон стал такой же желанной фигурой, каким был некогда Элвис Пресли. К нему стали тянуться неопрятные радикалы, фрейдисты-малолетки и аккуратные несмышленыши. Слухи теперь циркулировали сами по себе, к немалому удовольствию Джима и остальных участников ансамбля, откровенно потешавшихся над всей этой чепухой. Им-то казалось, что их не купишь...

Злая земля Калифорнии

В другое время и в другом месте Моррисон, может быть, и стал бы упитанным, удачливым и удобным вторым Пресли.

Но... это был 1967 год, и это была Калифорния.

Здесь, на западном побережье Америки, Боб Дилан, «Битлз» и «Роллинг Стоунз» превращали рок-н-ролл — невинное, хотя и шумное, развлечение — в явление социальной жизни.

Юношей слали на убой во Вьетнам, и они умирали там, так и не успев понять, что это такое — война. А тех, кто понимал, убивали дома. Годом раньше взорвался Детройт. Годом позже был парижский май и перемолотые деловитыми чикагскими копами нежные йиппи [1].

[1] В 1966 году полиция расстреляла антирасистскую демонстрацию в Детройте; в мае 1968 года в Париже прошли массовые студенческие выступления; летом этого же года в Чикаго состоялась антивоенная демонстрация, закончившаяся кровавой расправой над демонстрантами.

Романтика молодежной революции захватила и Джима: «Двери» объявили, что отныне их интересует лишь то, что «анархично, хаотично и против авторитетов». Но в том-то и дело, что Джим, как и многие другие, увлекся лишь внешней стороной борьбы — он был воспитанником Голливуда, а Голливуд, надо вам сказать, просто обожает революционеров, если они, конечно, не нарушают установившийся порядок вещей. Бунтарь должен пытаться — естественно, безуспешно — изменить общество, не меняя его, и рассматривать при этом революцию как наиболее элегантный способ самоубийства.

Моррисон начал вызывать почетное негодование властей. Его несколько раз арестовывали.

На концерте в Нью-Хейвене в начале 1968 года дело дошло до настоящего побоища с полицией. Моррисон вылетел из-за кулис и начал рассказывать залу, как на него за сценой пытались напасть полицейские. Публика решила, что это пролог к программе песен протеста, но тут на сцену действительно выбежали два дюжих полицейских и пожарный и стали стаскивать Джима с помоста. Какова была подоплека этой истории — неизвестно. Но важно, что скандал разгорелся на глазах у публики. Джим схватился за микрофон, полицейские стали отдирать его пальцы, и тут Джим не удержался, чтобы не поактерствовать — принял позу распятого Христа. Здесь же оказались фотографы, защелкали затворы, и портрет Моррисона-мученика стал чуть ли не иконой рок-революции.

Но и это, по сути дела, тоже было лишь фактоидом, игрой.

К чести Моррисона, сам он не был похож на тех конъюнктурщиков от песен протеста, которые вкладывали суммы, полученные за фрондерство, в акции солидных фирм или в автоматические прачечные.

У него не было ни автомобиля, ни постоянного жилья. Во время турне с группой он никогда не останавливался в надлежащих ему по чину фешенебельных отелях, а в Лос-Анджелесе облюбовал запущенную гостиницу, где селились тараканы, второразрядные музыканты и темные личности.

Он часто пропадал, к ужасу менеджера. В такие дни он скитался по трущобам и спал прямо на пляжах.

Это-то, возможно, и было самым революционным в революции Джима Моррисона — он в отличие от других рок-звезд, лишь прикидывавшихся дурными детками, избегал внешних признаков успеха.

Наступали семидесятые. Нонконформизм исповедовали теперь все домашние хозяйки, и он потихоньку превращался в свою противоположность. Молодые пасынки Америки медленно вымирали. Только смерть приходила не так, как было обещано в песнях, — ее несли не славные сверкающие штыки карателей, а таблетки и уколы.

После событий в Чикаго стало ясно, что время болтовни миновало. Романтики превратились в невротиков.

Наиболее серьезные из бывших революционеров поняли, что лучше было заблудиться, чем не искать совсем. Они начали выглядывать новые пути. Кто-то вспомнил о своих прежних педагогических профессиях и вернулся в школы и университеты — учить думать.

Другие поплыли по течению, выискивая, к какому бы бережку пристать.

На короткое время «Двери» затихли, вернулись на круги своя — в старый глупый рок-н-ролл. Надо было пересидеть, переждать. Это было время старения. Мы все пережили крушение и постарели, так и не став взрослыми.

Когда я увидел Джима в 1970 году на фестивале на острове Уайт, меня поразил его вид — старая полупьяная развалина. Он пел плохо и понимал это, а публика пожирала его песни как некое откровение, и от этого он мучился еще больше.

Немногим позже «Двери» выпустили «Лос-Анджелесскую женщину» — пожалуй, самый интересный их альбом. Казалось, они смогли преодолеть тоску поражения — это были сильные, нервные песни об убитых циничными взрослыми детях и о том, что время игр кончилось.

После этого Джим уже не мог написать ни одной строки. Он устал, выдохся. Потом уехал в Париж зализывать раны — давняя литературная традиция. Он думал, что смена ритма и континента поможет.

Там, в Париже, он и умер от сердечного приступа 3 июля 1971 года. Умер тихо, незаметно. Дураки не могут с этим смириться — ходят слухи, что его убили в драке. Так красивее.

Девушки клянутся теперь в вечной любви другому; Дэнни Шугармэн растворился окончательно; «Двери» выпустили еще два посредственных альбома и распались.

Кому-то пришло в голову начать сбор денег по подписке на могильный памятник Джеймсу Дугласу Моррисону. Некую сумму собрали, а потом персона, ответственная за деньги, исчезла вместе с ними.

Перевела с английского
Н. Рудницкая

«ПУСТЫНЯ ВНУТРИ НАС И ВОКРУГ НАС»

После концерта в Мичигане Джанис Джоплин, популярнейшая исполнительница рок-музыки, спросила своего приятеля: «Тебя любили когда-нибудь? Меня нет. Только когда я пою, я ощущаю внутри теплоту и любовь».

Джанис была из поколения тех, кто объявил любовь к людям своей целью, смыслом своей работы и искусства, единственной ценностью в жизни. Она была из тех, кто в конце недолгого своего пути обнаружил, что все ценности и идеалы окружающего ее общества сводятся к простому, базарно крикливому и рекламно яркому призыву — потребляйте! Она, Джим Моррисон, Джими Хендрикс и тысячи других известных и безвестных поэтов, музыкантов и их слушателей решительно отвергли тряпичные ценности общества. У них хватило на этот шаг и ума, и мужества, и главное — сердца. Но отвергнуть — это лишь половина дела. Неверие — не верный помощник в пути. Если выходит в такой путь один человек — что ж, это его беда. Но когда в такой путь отправляется целое поколение, шаги на ощупь оборачиваются трагедией, видимой всем.

Такой трагедией стала история молодежной контркультуры [1]. Рожденная в 60-х годах в результате поисков радикально новых основ творчества, основ развития человеческой личности и общества, она так и не смогла реализовать свой главный принцип: свободное творческое самовыражение для каждого, всеобщее братство, стремление создать сильное и искреннее видение мира. В поисках новых идеалов молодые блуждали по лабиринтам собственного «я», пытаясь «раскрепоститься» и заново переосмыслить жизнь.

Одним из средств «раскрепощения» стала музыка; контркультуру так и называли — «рок-революция». Только чем настойчивее и напряженнее становился ритм, чем сумбурнее речи, тем неистребимее, тошнее становилось чувство одиночества.

«Пустыня была внутри нас и вокруг нас... Нам не хватило мужества для того, чтобы изменить что-нибудь в мире, и в конце концов многие из нас опустились, погрузились в анабиоз, надеясь, что, проснувшись в один светлый день, они обнаружат, что мир стал лучше», — писал в те недавние годы американский социолог Теодор Роззак.

Одним из первых не выдержал пытки одиночеством Джими Хендрикс, 18 сентября 1970 года он скончался от сверхдозы снотворного. Случайность? Самоубийство? Судебный чиновник не смог дать ответ.

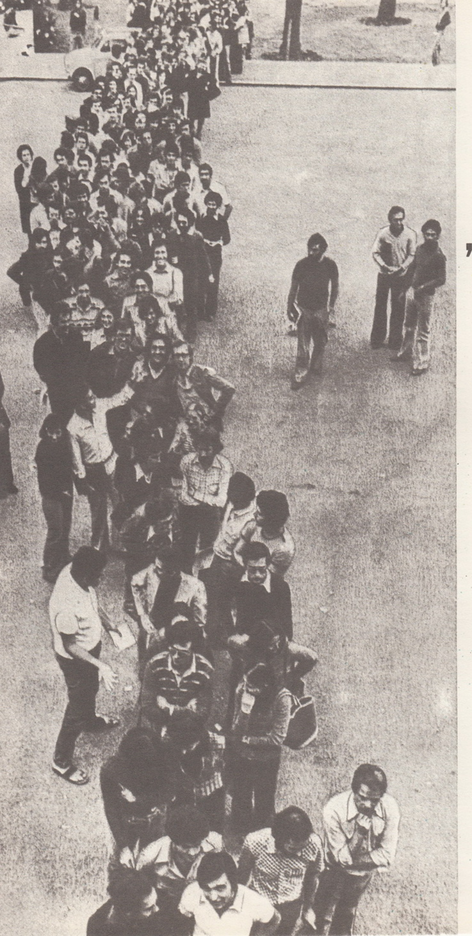
Затем пришел черед Джанис Джоплин — она отыскала свою смерть на полу гостиничного номера в Лос-Анджелесе. На ее левой руке были видны свежие следы иглы.

Следующим стал 25-летний Брайан Джоунз, гитарист из группы «Роллинг Стоунз». И наконец Джим Моррисон.

Тогда за два с половиной года с жизнью рассталось четверо «суперзвезд», а кто считал, сколько их рядовых поклонников разделило эту участь?..

И. КУЛИКОВА

[1] О кризисе контркультуры «Ровесник» писал в № 12/74 — см. статью О. Тугановой и В. Лазарева «На зыбкой палубе надежный дом?»; см. также подборку материалов о леворадикальных движениях в № 10/75. (Прим. ред.)

ТЕПЕРЬ ВСЕ ВИДЯТ: ОПРОВЕРГНУТ ОДИН ИЗ ГЛАВНЫХ МИФОВ, СОЗДАННЫХ РЕФОРМИСТАМИ И БУРЖУАЗНЫМИ ИДЕОЛОГАМИ, — МИФ О ТОМ, БУДТО КАПИТАЛИЗМ НАШИХ ДНЕЙ СПОСОБЕН ИЗБАВИТЬСЯ ОТ КРИЗИСОВ. НЕСТАБИЛЬНОСТЬ КАПИТАЛИЗМА СТАНОВИТСЯ ВСЕ БОЛЕЕ ОЧЕВИДНОЙ. ОБЕЩАНИЯ «ОЗДОРОВИТЬ» КАПИТАЛИЗМ И СОЗДАТЬ В ЕГО РАМКАХ «ОБЩЕСТВО ВСЕОБЩЕГО БЛАГОДЕНСТВИЯ» ПОТЕРПЕЛИ ОЧЕВИДНЫЙ ПРОВАЛ.

Из доклада Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева на XXV съезде партии

„Мне сказали: «В объявлении не указывай, что это твоя первая работа и что на руках у тебя университетский диплом, напиши только, что ты невоеннообязанный, и все». Так перед табличкой «Экономические объявления» в редакции одной из газет началась моя история. Несколько удивленному сотруднику отдела я объяснил, что хочу опубликовать на следующий день, в воскресенье, не одно, а три объявления о том, что ищу работу бухгалтера, специалиста по электронно-вычислительной технике и вообще человека, имеющего образование и специальность. Объявление опубликовано, и сразу же начинаются первые звонки. «У вас есть автомобиль?» — спрашивают чаще всего. «Нет, но у меня есть права». Это их не интересует, я должен иметь машину, они мне даже не объясняют, для чего она могла бы мне понадобиться. Ищу счастья, листая наудачу объявления в других газетах. «Римскому коммерческому отделению крупной промышленной компании требуются молодые люди, освобожденные от военной службы. Явиться сегодня на улицу Корсо, 338».

Дом 338 на Корсо оказался магазином Некки, уже с утра забитым людьми, жаждущими поговорить с неким синьором Пуччи. Через два часа пятнадцать минут подходит моя очередь на прием к вышеупомянутому Пуччи. Пуччи щедр и любезен: он предлагает мне твердую ставку и возмещение представительских расходов, договор сроком на 4 месяца и перспективу быть выставленным за дверь, если мне не удастся продавать минимум по три швейные машины в месяц, обходя дом за домом. «Любой идиот в состоянии справиться с этим, — говорит он. — Даже вы, бухгалтер. — И добавляет: — Позвоните мне через несколько дней».

Второе объявление в газете напечатано жирным шрифтом, следовательно, более серьезное. «Общество по торговле недвижимостью принимает на работу в свой римский филиал молодых людей не старше 30 лет, имеющих дипломы, обладающих яркой личностью, особыми способностями к коммерции, к установлению контактов с людьми, собственной автомашиной и готовых немедленно приступить к работе». Прямо-таки мой портрет, только без машины.

В доме 4 по улице Систина швейцар, не отрывая глаз от газеты и не дожидаясь моего вопроса, бросает: «Второй этаж». Каких-то полтора часа ожидания, и вот я уже беседую с неким высокопоставленным должностным лицом, говорящим с неистребимым миланским акцентом. «Лицо» оказалось строгим: «Почему вы не работали с тех пор, как закончили военную службу?» — спрашивает оно меня. Бормочу, что именно это я и пытаюсь сделать — найти работу после окончания

ТЯЖЕЛАЯ РАБОТА—НАЙТИ РАБОТУ

Или рассказ моего молодого друга, похожий на все рассказы всех безработных

Микеле АЛЬГИЗИО,
итальянский журналист

военной службы. Поверить в мою честность нетрудно, таких, как я, в нынешние времена тысячи. Наконец, мне объявляют условия: «Сопровождать клиентов, желающих купить квартиры, и сделать так, чтобы они их непременно купили. Чтобы их купили, понимаете?» И он пригласил меня звонить ему.

В пятницу изучаю новое объявление. «У вас есть честолюбие? Хотите получить хорошо оплачиваемую работу? Нам требуются люди в возрасте от 18 до 35 лет для работы с электронно-вычислительной техникой после прохождения платного краткого курса обучения». Спасибо, воздержусь от нового путешествия, сулящего одни расходы.

«Это объявление обращено к мужчинам и женщинам, которые в труде считают важным не только заработную плату, но и профессиональное удовлетворение; к тем, кто хочет найти достойное применение своим силам, кто стремится к прекрасному, надежному заработку в серьезной и динамичной обстановке. Мы ищем таких людей. Приходи к нам, эта встреча может быть решающей для твоей жизни. Явиться в понедельник в фирму «Саратога Энтерпрайз» в гостиницу «Леонардо да Винчи» ровно в 10 или ровно в 16 часов». Можно ли, черт побери, желать лучшего? В десять часов ровно я в холле гостиницы. Следуя указателю с надписью «Саратога Энтерпрайз», я вхожу в комнату, где уже ждут человек двадцать, стремящихся, как и я, «к прекрасному, надежному заработку». Человек, одетый в стиле янки, сообщает нам, что встреча несколько задерживается.

Краткая справка о «Саратога Энтерпрайз»: компания производит миниатюрные счетные машины средней стоимостью 20 тысяч лир. Нам предлагают заняться их продажей за небольшое вознаграждение. Непременное условие — в день мы должны продавать не менее восьми аппаратов каждый. Я ухожу, не дожидаясь окончания собрания, и я не единственный.

В субботу решаю опубликовать три объявления в другой газете, тем временем мне звонит из Сан-Дона ди Пьяве некто Бьянкини. Очень вежливый, но несколько таинственный. «Послушайте, я могу предложить вам работу. Может быть, она покажется вам несколько странной, но все те, кто работал со мной, за несколько лет купили себе квартиру и виллу на море. Но, знаете ли, это такая работа, от которой быстро устают. Условия, повторяю, отличные». — «Что я должен буду делать?» — «Похоронное бюро, представительство в области Лацио». На этот раз я обещаю позвонить.

Воскресенье я провожу в ожидании телефонных звонков и не без результата: назначаю четыре встречи на следующий

день. В понедельник утром первая встреча с доктором Машони из агентства «Италмондо». Работу они предлагают такую — организовать и внедрить новый вид страховки школьников. Каким образом? «Италмондо», объясняет мне доктор Машони, имеет некоторые связи с министерством просвещения, занимаясь организацией различных школьных конкурсов. Обычно дети указывают на них свое имя и адрес. Так вот, нужно ходить по домам и уговаривать родителей на эту новую страховку, гарантирующую детям школьное образование в том случае, если с родителями случится какое-либо несчастье. «52 процента вам, остальное агентству... — сказал мне доктор Машони. — Никакой твердой ставки», — добавил он. Что делать? Это, в сущности, первое серьезное предложение, которое я получаю, но тоже довольно сомнительное.

В 18.45 встреча с синьором Розини на улице Принчипесса Клотильда, 7. «Мы — крупное американское химическое общество, находящееся в стадии развития в Италии, и на ближайшее будущее имеем в нашем распоряжении руководящие посты» — так звучало объявление в газете. Помещение выглядит действительно роскошно: мраморная лестница, у входа молодой швейцар в ковбойке. Я все еще спрашиваю себя, туда ли я попал, когда появляются двое, говорящие по-итальянски как испанцы. Один из них, называющий себя Леонарди, берет меня под руку и ведет в соседнюю комнату. «Мы производим моющие средства», — говорит он, указывая на мало что говорящие фотографии каких-то заводских строений. Берет слово коллега Леонарди, некий Анджело Сапьо. Разговор получается долгий и довольно бестолковый; в двух словах суть его вроде вот в чем: для организации будущей массовой продажи моющих средств нужен миллион, потом он — в результате все того же предполагаемого бума стиральных порошков — обернется кучей миллионов, целым дождем миллионов, но пока этот несчастный миллион надо добыть. Этим нам и предлагают заняться — искать простачков, согласных вложить свои деньги. В общем, обычная афера. Леонарди красноречив и не жалеет аргументов, он даже конфиденциально сообщает нам, что через неделю состоится международный симпозиум в гостинице «Висконти», где их деятельность получит международную поддержку. Я ухожу и только из любопытства проверяю: гостиницы «Висконти» вообще не существует.

Во вторник утром встреча в «Дата Систем», где вроде требуются бухгалтерские услуги. Оказывается, работа та же — искать клиентов. Мне обещают семь процентов проданных товаров. Это, конечно, не моющие средства, но мне нужна настоящая зарплата.

В 11 часов я у господина Паччарелли из «Фида чинематографика». У меня мало надежды, я вообще считаю мир кино по своей природе неопределенным и ненадежным. Кто знает, что они мне предложат. Предлагают заполнить чрезвычайно подробную анкету. Потом мне сообщают, что я буду работать бухгалтером. Невероятно! «С какой зарплатой?» — спрашиваю я взволнованно. «Естественно, профсоюзный минимум плюс постепенные надбавки». Я на седьмом небе! И тут синьор Пиччарелли сообщает, что вообще-то кандидатов на это место много, и я имею честь состоять в довольно длинном списке. «Надеюсь, вам повезет, — говорит он. — Ждите моего звонка».

Я все еще жду этого звонка, а пока подвожу итоги: десять дней поисков работы стоили мне 60 тысяч лир и 26 часов ожидания в прихожих. Впрочем, я знаю несколько человек, которые ходят впустую уже два и три месяца».

ДИПЛОМ КАК ГАРАНТИЯ НЕУСТРОЕННОСТИ

Прекрасное качество сохранил в себе этот дипломированный неудачник, приятель журналиста Микеле Альгизио, — иронию. Ирония помогает не только ему самому, она и нам, посторонним, помогает не особо расстраиваться, не особо переживать чужую драму. Тут ведь много и забавного, совсем как в чаплинских фильмах про «маленького человечка». Только герой наш — никакой не маленький человек, он просто человек. Разумный, толковый, образованный... Он просто, в конце концов, человек. Такой, как большинство, — с выполненными перед обществом обязанностями и с неосуществленными правами. И если есть в его рассказе ирония, то объясняется она, в сущности, вот чем — банальностью, обычностью ситуации. В Италии сегодня 1 миллион 251 тысяча «официальных» безработных. По крайней мере, 819 тысяч — молодежь (самый высокий процент среди стран Европейского экономического сообщества). Из них 350 тысяч имеют диплом об окончании средней школы, а 55 тысяч — выпускники высших учебных заведений.

Разберемся.

Италия известна не только своими историческими памятниками, не только мафией и похищениями детей, не только количеством всевозможных президентов (один «президент» на 900 мужчин, женщин и детей), не только, в конце концов, количеством генералов и адмиралов (541 генерал на войско, состоящее из 270 тысяч человек; 1,23 адмирала на каждый военный корабль), но и количеством правительств. Число их едва уступает числу знаменитых итальянских кинокартин. Но даже при такой мультипликационной суете вокруг правительственных кресел христианским демократам, при любом правительственном пасьянсе возглавлявшим руководство страной, удалось совершить гигантский шаг на пути к «беспредельной демократии». Дело было так.

После массовых молодежных выступлений 1968—1969 годов — а одним из требований молодежи было требование ликвидировать консервативную и безусловно классовую структуру высшего образования — власти приняли очень демократичное решение. Если раньше в университеты принимали выпускников только определенных школ и число мест в вузах было ограничено, то по новому порядку в университеты стали принимать всех желающих. Записывайся, плати деньги и получай образование (на одном из снимков вы можете увидеть очередь кандидатов в студенты юридического факультета Римского университета). Очень прогрессивное было решение, которое сегодня называют в печати не иначе как «демагогическим и, следовательно, реакционным решением» (миланский еженедельник «Эуропео»). Дело тут в том, что точно так же, как толпы президентов различных компаний и обществ не смогли спасти итальянскую экономику от кризиса, так и внешняя демократичность высшего образования не смогла изменить его внутренней буржуазной классовости.

Это совсем не простое решение и совсем не легкий шаг для простой — рабочей, крестьянской, чиновничьей — семьи, решение отправить сына или дочь в университет. Это означает экономию во всем. Это означает, что все остальные члены семьи будут работать на одного — на того, с кем они связывают все мечты о будущем. Но вот шаг этот сделан, сын пошел в университет... Это, впрочем, не значит, что он ходит туда каждый день, потому что все студенты любого высшего учебного заведения Италии физически не могут поместиться в аудиториях. Итак, прослушана та часть лекций, на которую удалось попасть, и студент становится выпускником. Становится специалистом. Становится потенциально высокополезным членом общества. Становится безработным...

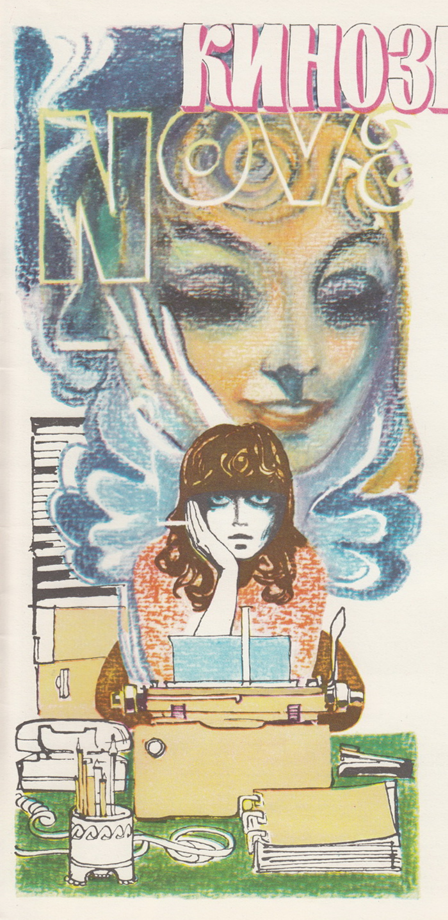
Почему? Во-первых, говорят, потому, что кризис. И говорят справедливо. К снижению объема производства, закрытию предприятий стоит добавить и то обстоятельство, что Италия постепенно, но прочно приобретает в глазах тех, кто принимает решения в масштабе всей Западной Европы, иными словами, в глазах руководителей многонациональных концернов, научно-исследовательских центров НАТО и западноевропейского экономического сообщества репутацию второразрядной державы. А как следствие — сокращаются ассигнования на научные исследования, разработки в области культуры. Во-вторых, значительно снизился сам уровень образования. Ведь «демократическая реформа» образования не затронула самой системы образования, наоборот, его качество, по всеобщему признанию, значительно снизилось. Социолог Франческо Альберони, проводивший обследование на тему «Молодежь и труд», в этой связи приводит такие цифры: лишь 75 процентов специалистов с высшим образованием находят работу и лишь 54 процента специалистов со средним специальным образованием. Еще более безрадостны прогнозы: в 1990 году работу получат лишь 54 процента выпускников вузов и 46 процентов со средним специальным образованием.

Конечно, не все университеты в Италии одинаковы, есть и такие, что сохранили свой «класс» и свою прежнюю ориентацию на избранных, на тех, кто в будущем, возможно, будет «президентами», кто будет принимать новые, «демократичные» решения в новых правительствах. «Нет сомнения, — пишет журнал «Эуропео», — что это незначительное меньшинство привилегированных, которые получат затем работу, не принадлежит к широким слоям пролетариата. Оно принадлежит к буржуазии... Так что новый университет имеет еще более классовый характер, чем старый. Если старый позволял немногим студентам небуржуазного происхождения, получившим высшее образование за счет суровых лишений своих семей, по окончании учебы войти в мир руководящих работников, то новый спокойно отправляет их на свалку под гром демагогических заявлений, которые, как и вся демагогия, всегда оборачиваются против слабых».

Что ж остается им? Что остается безымянному другу журналиста Альгизио? Самоирония?.. Борьба?..

И. ГОРЕЛОВ

КИНОЗВЕЗДА

Ивэн ХАНТЕР,
американский писатель

Рассказ

Рис. А. Бабановского

Она вышла из кабинета мистера Мерджентелера, направляясь в бухгалтерию, и тут Джерри Шнейдер остановил ее:

— Нора, ты не обидишься, если я кое-что тебе скажу?

— А что ты хочешь мне сказать? — Она очень торопилась, но Джерри был славный мальчик, он учился в школе и работал у Мерджентелера и Гарриса только летом, и она не хотела его обидеть.

— Тебе, наверное, это говорили уже сто раз.

— Что говорили?

— Что ты похожа на Ким Новак.

— Ну как же, на Ким Новак!

— Серьезно.

— Ким Новак — блондинка.

— Это неважно, — сказал Джерри. — Я знаю, что у тебя каштановые волосы, но это ничего не значит. Ты очень похожа на нее, честное слово. Вот тут... — Он поднял руку к ее лицу и сделал неопределенный жест. — Вот здесь — глаза, и нос, и рот.

— У меня глаза голубые. А у нее, говорят, сиреневые или что-то в этом роде.

— Я не цвет имел в виду. У тебя такой же загадочный взгляд. И у тебя точно ее нос, Нора, честное слово. Точно. — Он помолчал. — И рот тоже.

— Ты бы лучше проверил зрение. — Она пожала плечами. — Мне надо бежать. Во всяком случае, спасибо.

Она улыбнулась и быстро пошла по коридору. Она все еще улыбалась, когда вошла в бухгалтерию. Марвин Кранц, бухгалтер фирмы, поднял глаза и спросил:

— Что тебя так развеселило?

— О, это Джерри Шнейдер. Вот накладные... Мистер Мерджентелер велел тебе срочно просмотреть их.

— А что он сделал?

— Кто? Ах, Джерри? — Она снова улыбнулась. — Глупый мальчишка.

— Ну, так что он сказал?

— Что я похожа на Ким Новак.

— Похожа, — тотчас же подтвердил Марвин. — Разве ты не знаешь?

— Перестань, Марвин. Не разыгрывай меня.

— Все в конторе так говорят.

— Почему же ты ни разу не сказал мне об этом?

— Может быть, я считал, что это не так уж важно.

— Ну знаешь, если девушка похожа на Ким Новак... — Она пожала плечами. — Ах, да брось ты!

— Нора, ты очень хорошенькая девушка, — важно проговорил Марвин.

— Но Ким Новак — кинозвезда!

— Ну и что? А ты — Нора Филдс. Я вот что тебе скажу, Нора. По-моему, Ким Новак было бы приятно узнать, чсто она похожа на тебя.

— Ну да, конечно, она была бы в восторге! К тому же мы совсем непохожи.

Нора вышла из кабинета.

Вечером, по дороге в метро, она купила три иллюстрированных журнала. На обложке одного из них был портрет Ким Новак. Норе пришлось долго ехать стоя, а когда освободилось место, она стала внимательно рассматривать фотографию. Она решила, что рост у нее такой же, как у Ким Новак. Но на этом, пожалуй, сходство кончалось. Тем не менее она продолжала разглядывать фотографию всю дорогу до бульвара Мошолу.

На скамейках возле парка, как обычно, сидели группы парней. Когда Нора проходила мимо, они свистели и окликали ее. Нора смущалась и чувствовала себя незащищенной. Ей всегда хотелось пройти мимо них с высоко поднятой головой. На этот раз она вдруг спросила себя, почему она не носит туфли на высоких каблуках. «Потому что я слишком высокая»,— подумала она и тотчас же вспомнила, что Ким Новак по меньшей мере такая же высокая, как она. Да, но она кинозвезда! И Нора быстро прошла вдоль скамеек, глядя на тротуар.

На следующий день была пятница — как правило, самый трудный день в фирме Мердженталера и Гарриса. И не потому, что в этот день мистер Гаррис рано кончал работу и уезжал в свой яхт-клуб. Просто по пятницам отправляли новые партии одежды, хотя одному богу было известно, почему именно в пятницу, в последний день рабочей недели. Сегодня все было как обычно, за исключением того, что шел дождь. Из этого следовало, что мистер Гаррис в яхт-клуб не уехал и путался у всех под ногами. В три часа с фабрики поступила партия в тысячу шестьсот штук, и нужно было рассортировать, упаковать и отправить все до конца рабочего дня. И в эту же лихорадочную и дождливую пятницу Марвин Кранц пригласил Нору поужинать после работы и пойти в кино.

Во время ужина Марвин с таинственным видом повторял, что поведет Нору на «совершенно особенный фильм». Она сразу догадалась, в чем дело, и ничуть не удивилась, увидев на афише имя Ким Новак.

Что-то странное происходило с Норой, когда она смотрела на экран. Она, конечно, знала, как выглядит Ким Новак, но никогда не разглядывала ее так пристально, как сейчас. — она пыталась мысленно перенести на экран, рядом с изображением Ким Новак, свое изображение, чтобы понять, действительно ли они похожи. В конце концов она решила, что и Джерри, и Марвин с ума сошли. Она как раз хотела сказать Марвину, что он просто спятил, но не успела. В последней части картины Ким Новак гонялась за старой леди в кресле-каталке. Это было очень смешно, и Нора смеялась вместе со всеми. Но вдруг у нее так сильно забилось сердце, словно оно вот-вот выскочит из груди.

— Эй, полегче,— сказал Марвин, и она только тогда заметила, что сильно стиснула его руку.

Она сжала ладони и почувствовала, что они влажные от пота. Именно в ту минуту Нора начала верить. Именно в эту минуту Норе показалось, что о н а, а не Ким Новак гоняется за старушкой в каталке. Значит, это п р а в д а, подумала Нора. Мы действительно похожи. Ей вдруг стало очень страшно и в то же время приятно.

Она продолжала смотреть на экран с какой-то странной улыбкой на лице. Она всегда ощущала себя только собой, но теперь... теперь она поняла, что в самом деле очень похожа на Ким Новак, кинозвезду. Никому не известная Нора Филдс с Нокс Плейс была похожа на кинозвезду!

Она пожала плечами. О господи, подумала она.

— Ну, что ты теперь скажешь?— спросил Марвин, когда в зале зажегся свет.

— Не знаю.— Она пожала плечами.

В этот вечер Нора покрасила волосы перекисью в светло-золотистый цвет.

Если у Норы оставались еще какие-то сомнения, то высветленные волосы окончательно их разрешили. В субботу утром, когда она пришла в лавочку на Ганн Хилл Роуд, чтобы купить «Дейли Ньюс», владелец магазина (его имя было Грегори, но все называли его «Гас») сказал ей:

— Знаете что, Нора? С такими волосами вы точная копия Ким Новак.

— Спасибо.

— Это поразительно. Вы могли бы быть близнецами.

— Спасибо, Гас, — сказала она, взяла газету и пошла домой.

В одиннадцать часов она отправилась в парк на прогулку. Пять раз ее останавливали знакомые, чтобы сказать ей, что с такими светлыми волосами она вылитая Ким Новак. К воскресенью весь ближайший район, от бульвара Мошолу до Ганн Хилл Роуд, уже привык к ее светлым волосам и к тому, что она похожа на Ким Новак, так что больше никто не говорил ей об этом. Но в понедельник утром кассир на станции надземки сказал ей:

— Мисс, вы — вылитая Ким Новак.

Нора поблагодарила его и, улыбаясь, взяла жетон.

Когда она пришла на работу, мистер Мердженталер позвонил и велел ей немедленно прийти с блокнотом. Она прибежала к нему в кабинет и слушала, как он без передышки перечислял срочные дела. Наконец он поднял на нее глаза:

— Черт возьми, что вы сделали со своими волосами?

— Я их покрасила, мистер Мердженталер.

— Моя дочь тоже красит волосы,— сказал мистер Мердженталер. — Между прочим, зачем вы, женщины, это делаете?

— Я не знаю. Они ужасно выглядят, мистер Мердженталер?

— Ужасно? Нет, очень мило. По правде говоря... — он поджал губы и озадаченно нахмурился. — Ладно, неважно. У нас сегодня много работы.

После обеда он снова позвонил и сказал:

— Теперь я знаю, в чем дело.

— Какое дело, мистер Мердженталер?

— На кого вы похожи с такими волосами. На эту кинозвезду, Ким Новак. Вы когда-нибудь слышали о ней?

— Да, сэр.

— Так вот, между вами большое сходство.

— Спасибо, мистер Мердженталер.

— Не стоит. Вы передали мое распоряжение мастеру закройного цеха?

— Да, сэр, передала.

Когда ее увидел Джерри Шнейдер, он хлопнул себя по лбу и закричал:

— Вот это да! Теперь ты довела это до конца. Теперь ты выглядишь точно как она, честное слово.

Нора зашла в кабинет Марвина только в конце дня. Марвин усердно складывал колонки цифр и едва взглянул на нее, когда она положила к нему на стол пачку накладных.

— Здравствуй, Нора, — сказал он. — Хорошо провела уик-энд?

— Очень хорошо. — Она стояла возле стола, надеясь, что он поднимет глаза, но Марвин продолжал работать.

— Марвин! — сказала она наконец. — Посмотри на меня. Нравятся тебе мои волосы?

Марвин с минуту разглядывал ее.

— Они светлые. Когда ты это сделала?

— В пятницу вечером. После того, как ты меня проводил.

— Зачем?

— А тебе не кажется, что...

— Что не кажется?

— Ничего,— сказала она и вышла из комнаты.

Вечером, приехав домой, она начала учиться говорить другим голосом. Как только отец ушел в гостиную смотреть телевизор, а Нора с бабушкой стали мыть посуду, она впервые попробовала свой новый голос.

— Говори громче,— сказала бабушка,— я ничего не слышу.

— Бабушка, я нарочно стараюсь не кричать, как торговка рыбой.

— Зато ты говоришь шепотом, как в больнице, упаси господи.

Она тренировалась все следующее утро, отвечая по телефону свистящим шепотом, который приводил в изумление некоторых клиентов Мердженталера и Гарриса. Перед самым перерывом один из клиентов сказал:

— Простите, пожалуйста, это действительно «Мердженталер и Гаррис»?

— Да, сэр, — ответила Нора тем же шепотом. — С кем вы хотите говорить?

— Честно говоря, вы так меня удивили, мисс, что я забыл,— ответил клиент, и Нора засмеялась странным смехом, начинавшимся где-то в глубине гортани.

Весь остаток недели она почти непрерывно упражняла свой голос и смех. Кроме того, она съездила на другой конец города, чтобы посмотреть Ким Новак в старом фильме «Человек с золотой рукой». В поисках фотографий Ким Новак она накупила кучу иллюстрированных журналов. Она помнила, как Джерри Шнейдер сказал что-то о загадочном выражении ее глаз. Нора изучала этот взгляд, стоя перед зеркалом в ванной. Но у нее получался либо глупый вид, либо сонный, пока однажды вечером она совершенно случайно не обнаружила этот самый искомый взгляд в зеркале. Она испугалась до полусмерти. «Боже мой, — подумала Нора, — боже мой...»

В следующую пятницу после той, когда Нора покрасила волосы, она пошла на работу в туфлях на высоких каблуках. Каблуки, пожалуй, были слишком высоки, и Нора чувствовала себя неловко.

Несколько девушек в конторе сказали, что они раньше не представляли себе, какая она высокая, а один коммивояжер добавил: «Нора, вы величественны, как статуя. Вам говорил кто-нибудь, что вы похожи на Ким Новак?»

— Да, кое-кто говорил.

— У вас даже голос как у нее.

— Вы так считаете? — прошептала Нора. Она засмеялась гортанным смехом и выдала ему загадочный взгляд.

— Черт меня побери, — сказал коммивояжер.

По дороге домой она прошла мимо

парней на скамейке с высоко поднятой головой и холодным взглядом, дробно стуча каблуками по асфальту. Парни сидели молча. Они глазели на нее и начали шептаться, только когда она уже была далеко.

На другой день это началось по-настоящему.

Во время обеденного перерыва она решила позавтракать в ресторане Шрафта. На ней было платье ее любимого бледно-лилового цвета, а волосы свободно обрамляли лицо. Уверенно ступая в туфлях на высоких каблуках, она вошла в ресторан. Подошла официантка. Она стояла, держа наготове блокнот и карандаш, и довольно глупо ухмылялась. Нора подняла глаза и сказала своим новым голосом:

— Сандвич с сыром, пожалуйста, и чашку кофе.

— Да, мисс Новак. — Официантка снова ухмыльнулась и ушла прежде, чем Нора успела ее поправить.

Ей подали сандвич, и она молча стала есть.

— Больше ничего, мисс Новак? — спросила официантка.

— Я не Ким Новак.

— Вы не Ким Новак? — В голосе официантки прозвучало недоверие, разочарование и насмешка — все сразу.

У конторы ее остановил мальчик, катівший тележку с пустыми ящиками, и попросил автограф. Нора ответила, что, к сожалению, она не Ким Новак. В четверг на станции метро девочка с ранцем за спиной бежала за ней до самого выхода. Запыхавшись, она рассказала, что ей очень нравятся все ее фильмы и не напишет ли она, пожалуйста, «Луизе, с наилучшими пожеланиями» и подпись? Нора объяснила девочке, что, к сожалению, она не Ким Новак.

Вечером, когда Марвин спросил ее, где она хотела бы поужинать, она сразу же ответила:

— В ресторане Сарди.

— Почему у Сарди?

— Почему бы нет? Там очень хорошая кухня.

— Что? — переспросил Марвин. — Извини меня, Нора, но я не расслышал. Ты говоришь почти шепотом.

— Я говорю, там хорошая кухня.

Она ясно сознавала, какой эффект произвело ее появление в ресторане. Она взяла Марвина под руку, прошептала что-то насчет портретов знаменитостей, развешанных на стенах, и стала смотреть вдаль загадочным взглядом. Она услышала, как какой-то мужчина сказал: «Смотри, дорогая, это Ким Новак».

— Мы не заказывали столик, — сказал Марвин, обращаясь к метрдотелю.

— Это не имеет значения, — любезно улыбнулся метрдотель. — Постараемся что-нибудь найти. — Он щелкнул пальцами, и Марвина и Нору усадили за столик в центре зала.

Марвин заказал двойное виски. Официант принял заказ, потом повернулся к Норе и улыбнулся:

— Что для вас, мисс Новак?

— Спасибо, пока ничего, — ответила Нора.

Официант улыбнулся и отошел от стола.

— Как он назвал тебя? — спросил Марвин.

— Кто?

— Официант. Он назвал тебя «мисс Новак»?

— Я не слышала.

— Черт возьми, я же точно слышал, как он сказал...

— Я его не слышала.

Официант вернулся с порцией виски для Марвина, поставил стакан и снова обратился к Норе:

— Мисс Новак, может быть, вы все-таки выпьете что-нибудь? Рюмочку хереса?

— Нет, спасибо, — ответила Нора своим низким грудным голосом. Официант удалился.

— Извините, пожалуйста, мисс Новак.

Они оба обернулись. Возле столика стоял мужчина. В одной руке он держал меню, в другой авторучку. Это был довольно тучный мужчина, с круглым лицом, расплывшимся в блаженной улыбке.

— Мне очень неприятно, что я так вторгаюсь, — продолжал он. — Меня зовут Роджер Форбс, я из Орегона.

Марвин в недоумении смотрел на него, а Нора терпеливо и сочувственно улыбалась.

— Моя дочь ваша большая поклонница, — сказал мужчина. — Я хотел спросить...

— Вы ошиба... — начал Марвин.

— Я хотел спросить, не согласитесь ли вы подписать это меню для нее?

— С удовольствием, — ответила Нора.

Марвин широко раскрыл глаза. Нора улыбнулась ему и взяла меню из рук тучного мужчины.

— Как зовут вашу дочь?

— Мэри.

Нора написала на меню: «Мэри, с наилучшими пожеланиями». И подписала: «Ким Новак».

— Зачем ты это сделала? — прошептал Марвин.

— Это легче, чем все время отказываться.

— Это противозаконно.

— Я не виновата, что он ошибся. Я не собираюсь всю жизнь только то и делать, что повторять, что, к сожалению, я не Ким Новак.

Она внезапно поднялась и направилась к двери. У выхода метрдотель спросил ее:

— Все в порядке, мисс Новак?

— Да, все прекрасно, — ответила она и вышла на улицу. Двое проходивших мимо подростков заулыбались.

— Привет, Ким! — крикнул один.

— Привет, Ким! — зарычал второй. — Хочешь пройтись с моим дружком? — Они прыснули и побежали в сторону Бродвея.

Швейцар ухмыльнулся.

— Такси, мисс Новак? — спросил он.

— Да, пожалуйста.

— Мы пойдем пешком, — сказал Марвин из-за ее спины.

— Я хочу домой, Марвин.

— Мы пойдем пешком до метро.

— До метро?

— Да.

Когда они сошли у бульвара Мошолу, он повел Нору в парк, и они сели на скамью, несколько удаленную от яркого света фонарей.

— Нора, — начал он, — я должен сказать тебе что-то важное.

— Что?

— Я люблю тебя.

— Мммм...

— Это все, что ты можешь мне ответить? Я сейчас сказал, что люблю тебя!

— Какого ответа ты хочешь, Марвин?

— Ну скажи, что ты тоже любишь меня, или скажи, что ты меня ненавидишь, но не говори «мммм».

— Марвин, ты не меня любишь, — сказала Нора.

— Не тебя, вот как?

— Нет. — Она понизила голос. — Ты любишь Ким Новак.

— Ким Новак? Я даже незнаком с Ким Новак! Как же я могу?..

— Марвин, это потому, что я на нее похожа, в этом все дело.

— Нора, мне совершенно безразлично, похожа ли ты на Ким Новак или на Филлис Диллер, поверь мне.

— Тогда зачем же ты повел меня на этот фильм?

— Затем, что я хотел показать тебе, как ты красива, вот и все. Какое мне дело до того, на кого ты похожа? Для меня ты похожа на Нору Филдс, вот на кого.

— Нет, Марвин.

— Нора, я люблю тебя. Я люблю тебя с того дня, когда мистер Мердженталер в первый раз привел тебя ко мне в кабинет и представил как свою новую секретаршу. Так как же я мог влюбиться в Ким Новак? Я люблю тебя. Тебя.

— А кто это — я? — спросила Нора. — Скажи мне, Марвин.

— Нора, — сказал Марвин мягко, — ты знаешь, в чем разница между тобой и ею?

— Да, — сказала Нора. — Разница в том, чтобы быть в центре внимания, когда входишь в ресторан. Неужели ты не понимаешь? Ким Новак любят все.

— Кроме меня. Я люблю Нору Филдс.

Они долго молчали. За оградой парка, на углу, мальчишки рассказывали анекдоты, и Нора слышала их смех.

— Нора, я хочу тебя спросить...

— Не надо.

— Нора, ты согласна быть...

— Не надо, не спрашивай, — сказала она и встала. — Я хочу домой, Марвин.

Они прошли мимо парней на углу, прошли еще квартал и остановились у ее дома. Возле парадного Марвин пожелал ей спокойной ночи и хотел поцеловать, но она отвернулась и стала искать ключи. Она открыла дверь и услышала его удаляющиеся шаги.

Она включила свет. Бабушка спросила:

— Кто там?

— Я, — ответила Нора.

Отец, услыхав голоса, тоже спросил:

— Кто там?

— Ким Новак, кто же еще, — сказала бабушка.

Нора улыбнулась, погасила свет и в темноте нашла дверь своей комнаты. Она разделась и уложила волосы, но не легла спать, а взяла пачку журналов для кинопоклонников и стала читать. В одном из них сообщалось, что Ким Новак — левша. Этого она не знала.

Вскоре она легла в постель, но уснуть не могла. Она смотрела в потолок и старалась понять, почему остановила Марвина, когда он хотел ей сделать предложение. Ведь он такой хороший парень, и он сказал, что любит ее. Она долго думала о Марвине и о том, как было бы хорошо, если бы она вышла за него замуж.

Она встала с постели, подошла к письменному столу, включила лампу, взяла лист бумаги и ручку. Она уже начала было писать, но вдруг вспомнила и переложила перо в левую руку. Ким Новак, вновь и вновь писала она. Ким Новак, Ким Новак, Ким Новак...

Перевела с английского М. Гордышевская

ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ ЛУЧШЕ ВОЛКА?

Красная шапочка берет свою корзиночку, прощается с папой, сторожем автостоянки, с мамой, продавщицей универсама, и выходит из дому. Тут ее, естественно, поджидает волк; он открывает дверцу авто: «Покатаемся?» Шапочка прилежно убегает, но как знать, что стало бы с ней, если б не верные друзья — птицы! Они устраивают такую неразбериху, что машина волка попадает в пробку...

Подобные новые интерпретации, считают некоторые педагоги Запада, необходимы для современных детей по нескольким причинам: из классической «Шапочки» убирается ненужная, по их мнению, жестокость; вводится привычная для детей среда; к тому же рассказчики «страшных» сказок — бабушки тоже изменились: они или до сих пор считают себя молодыми, или живут отдельно.

Ну а что говорят дети? Опросы в детсадах показывают, что сказки про старого, доброго, злого волка — по-прежнему любимое детское слушание.

«ИМПЕРАТОР АТЛАНТИДЫ»

Так называется опера, поставленная недавно в Амстердаме (на снимке вы видите Мейнарда Краака, исполнителя партии Императора).

«Император Атлантиды объявил священную войну против человечества. Люди гибли тысячами. Но даже сама Смерть восстала против маньяка и перешла на сторону людей» — вот вкратце сюжет этой оперы, написанной в 1944 году заключенными гитлеровского концлагеря Терезин Виктором Ульманом и Петером Кейном. Администрация, гордившаяся своими «гуманными» порядками, разрешила поставить оперу на лагерной сцене. Но когда после первой же репетиции обнаружилось поразительное сходство между императором Атлантиды и фюрером, разъяренные «гуманисты» отправили создателей оперы в Освенцим, где они оба погибли. Долгое время считалось, что рукопись оперы не сохранилась, но вот три года назад ее случайно обнаружили в библиотеке Британского музея. Рецензент писал после премьеры: «Сквозь километры колючей проволоки, сквозь годы забвения мы ощутили дыхание подлинного творчества, которое не смогли сломить ни страдания, ни угрозы».

ОБРАЗОВАНИЕ. Где можно научиться просить милостыню? Да не просто просить, а квалифицированно? Лучше, конечно, сделать это в каком-либо специализированном учебном заведении. Ну, например, в школе, существующей в штате Коннектикут. Курс обучения продолжается всего неделю, но весьма насыщенная программа не позволяет терять времени даром. Вначале учащиеся прослушивают несколько лекций по психологии личности, а затем «профессор» (он же владелец этого заведения) переходит к животрепещущей проблеме — как просить милостыню наиболее эффективным и экономичным способом: «Лучше всего с этой целью появляться в местах, где часто бывают туристы — ведь в отпуске люди всегда более добры и менее бдительны. Деловой человек, особенно преуспевающий, также является хорошей мишенью для квалифицированного попрошайки, поскольку он испытывает угрызения совести за свое благополучие и не прочь по этой причине откупиться от нищего десятью центами. Вообще, в наше неустойчивое время профессия нищего становится весьма выгодной — ведь каждый подающий вам как бы откупается от судьбы, боясь оказаться на месте просящего. Поэтому не волнуйтесь — взнос в 125 долларов за курс вы вскоре легко компенсируете».

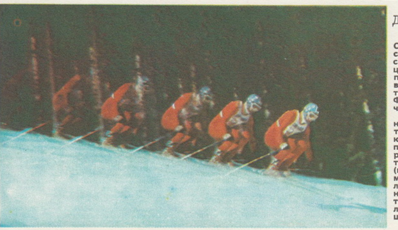
СТРАСТИ И ЮМОР ХИЧКОКА

«Я боюсь всего: своей тени, полицейских, крови, подозрительных звуков; я всегда заглядываю под гостиничную кровать и в шкафы...» Кто это говорит? Один из самых известных режиссеров Запада Альфред Хичкок. А известен Хичкок фильмами ужасов: за пятьдесят лет кинокарьеры он снял 59 страшных историй и вот-вот покончит с шестидесятой.

«Однажды, — рассказывал Хичкок на пресс-конференции в Лондоне, посвященной 50-летию «жизни в мире киносмерти», — я сидел дома в Лос-Анджелесе, как вдруг услышал страшный крик. Кричала моя жена — она смотрела по телевизору детектив. Оказалось, это мой детектив...»

Как отмечают лояльные к творчеству Хичкока кинокритики, его фильмы вовсе не воспитывают в зрителе жестокость и злобность. Хичкок, по их мнению, окрашивает свои страсти-мордасти непередаваемой иронией и юмором. Но чтобы оценить этот «юмор», послушаем Хичкока: «Об одном жалею — не удалось мне сделать детектив с убийством Бэмби. (Помните знаменитого олененка Диснея!) Это был бы шедевр!..»

ДВЕ ГОНКИ

Все большую популярность завоевывают в Европе и Северной Америке горные лыжи. Стремительно растут скорости, и не менее стремительно растут денежные ставки, сделанные фирмами спортинвентаря на «белый цирк». К примеру, фирма, «поддерживающая» чемпиона последней Олимпиады Франца Кламмера, ежегодно вкладывает в скоростной спуск (оборудование, инвентарь, премии гонщикам и пр.) около миллиона долларов. Фирма не в накладе: ее доход от продажи лыж более чем в десять раз превышает затраты.

Большие деньги диктуют свои условия — гонки становятся все стремительнее, рискованнее, а потому — так считают устроители — зрелищнее. Беда, утверждают сами гонщики, не в скорости. «120 в час — это так приятно, — говорит Бернард Русси, победитель Саппоро. — Все дело в организации соревнований и подготовке трассы». Плохая, в спешке подготовленная трасса (например, на трассе в Межев получил серьезную травму англичанин Бартельски. Причина — место приземления возле одного из трамплинов оказалось не наклонным, а плоским), отсутствие средств безопасности — тунцовых сетей ограждения, свежих, несмерзшихся соломенных связок — все это результат гонки, не имеющей отношения к спорту.

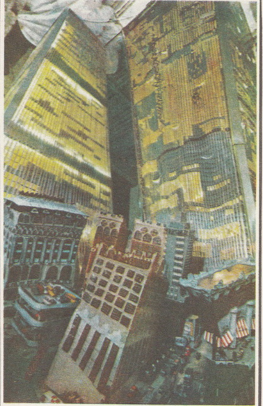

УЧЕНЫЕ ПРОТИВ АСТРОЛОГОВ

Астрологи, хироманты и прочие специалисты по «гласу судьбы» утверждают, что против них начат новый поход. «Такой «охоты за ведьмами», — жалуются они, — не было и в средневековье!» Астрологи тут несколько шельмуют: ведь сегодня против них выступили не клерикалы, защищающие догматы религии, а ученые, защищающие разум от суеверия и невежества. 18 лауреатов Нобелевской премии и 186 «просто» всемирно известных ученых выступили недавно с обращением: «У астрологии нет ни малейшего научного обоснования. Всякий практикующий астрологию является шарлатаном».

Разумеется, дело не в том, что науке только сегодня стало ясно, чего стоят предсказания и советы астрологов. Дело в ином: сегодня этим безумием, вызванным паникой перед завтрашним днем, охвачены все страны развитого Запада. В США около 50 миллионов — почти четверть населения — верят в астрологию. Из полутора тысяч ежедневных изданий 1250 регулярно публикуют гороскопы. «Современные, разумные, культурные люди верят в такие глупости! Это ли не абсурд!» — восклицает один из нобелевских лауреатов, итальянский физик Эдоардо Амальдо.

И не абсурд ли, добавим мы, что в Милане насчитывается 5 тысяч магов-профессионалов на 2 миллиона жителей, три хироманта на километр городских дорог, один предсказатель на 400 горожан!.. И всего лишь 4 тысячи лечащих врачей. Ежегодно миланцы тратят 100 миллиардов лир, чтобы узнать свое будущее, и только 25,6 миллиарда на кино. Так что если кто и может быть пока уверен в своем будущем, так это сами астрологи.

НЬЮ-ЙОРК ХУДОЖНИКА ГРУМЗА

В вестибюле одного из деловых зданий нью-йоркского района Манхэттен выстроен другой — мини-Манхэттен. Он вроде бы такой же, как в действительности, пропорции в нем смещены лишь чуть-чуть, но это «чуть-чуть» дает, как пишет журнал «Тайм», «удивительное ощущение какой-то нереальности, шаткости деловой цитадели Америки». Автор макета художник Ред Грумз говорит: «Наш макет называют «кривым зеркалом» Нью-Йорка. Но таков этот город, громадный и призрачный, город, живущий в долг. Жители его, замученные и перекореженные, задыхаются в суетливой погоне за ускользающей реальностью, за возможностью самого существования. И над всем этим царит Манхэттен — наш денежный монстр. Вот мы и хотели показать это безнаказанное, уродливое самодовольство Манхэттена, которое излучают уже даже не люди, а сами небоскребы. Наша группа художников и архитекторов — всего 20 человек — работала бесплатно. Мы истратили за это время все наши сбережения, и все же мы довольны — многие ньюйоркцы после осмотра нашей конструкции говорят, что они стали лучше понимать и себя, и свой город».

ИНКИ ЛЕТАЛИ?

Растянувшиеся на километры наскальные изображения в пустыне Наска (Перу) давно уже занимают воображение. Дело в том, что рисунки солнца, кондора и т. п. не охватишь глазом с поверхности земли — настолько они огромны. Фантазия фон Денникена (фильм «Воспоминание о будущем») приписала их авторство пришельцам из космоса. Американец Вудмен и англичанин Норт, аэронавты-любители, выдвинули свое предположение: древние инки задолго до братьев Монгольфье освоили технику подъема на воздушном шаре и оттуда обозревали ритуальные рисунки Наски. Для проверки своей версии они сплели баллон, к которому подвесили плетеную же папирусную гондолу. Сверху рисунки и в самом деле как на ладони. «Не для такого ли вот посетителя — на воздушном шаре — и создана была эта картинная галерея?» — спрашивают экспериментаторы.

СИЛЬНЫЕ СТОРОНЫ СЛАБОГО ПОЛА

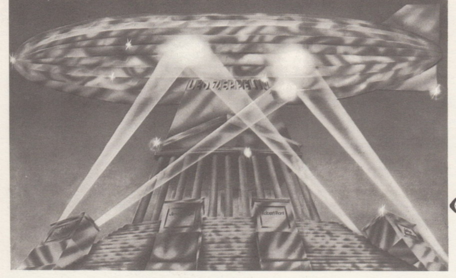
Последнее время японские газеты с тревогой пишут о том, что все большее число служащих порядка гибнет в столкновениях с правонарушителями. «Теперь, подобно персонажам гангстерских фильмов, даже мелкие уголовники выхватывают кольт при виде полицейского мундира», — констатирует «Асахи Гурафу». Управления полиции завалены прошениями об отставках. Перед лицом этих трудностей власти решили сделать ставку на... традиционные моральные устои, согласно которым ни один японец не поднимет руку на женщину. В штат полиции зачислили несколько сот девушек, которые проходят ускоренную подготовку (момент занятий вы видите на снимке). Предполагается, что, получив удар дубинкой от миловидного блюстителя порядка, преступник не станет сопротивляться.

«БРИГАДЫ» ПРОДОЛЖАЮТ БОРЬБУ

«Муралес» не просто декоративная роспись стен. Эти фрески обязательно имеют политический, агитационный смысл. Как наверняка помнят читатели, «муралес» получили широкое распространение в Чили во время предвыборной борьбы и особенно после победы правительства Народного единства. «Бригады Рамоны Парра» объединяли тогда около 60 тысяч молодых борцов.

После фашистского путча те члены «Бригад Рамоны Парра», кто сумел избежать тюрем, лагерей и смерти, не сложили оружия. Сейчас в Западной Европе действуют «Бригады Пабло Неруды». Их «муралес» рассказывают о терроре в Чили, о растущем сопротивлении хунте, о солидарности. На снимке вы видите членов бригады перед «муралес» в Риме.

КУДА ЛЕТИТ «ЦЕППЕЛИН»?

А. ТРОИЦКИЙ

Мраморный цеппелин увесисто покоится на монументальной колоннаде. В мрамор основания вбиты имена: Джон Поль Джонс, Джимми Пейдж, Роберт Плант, Джон Бонхэм. Солидно, основательно, непоколебимо...

Кому принадлежит этот рисованный мавзолей? Всмотритесь, разбираете наверху, над колоннадой, слова «Лед Зеппелин»? Да, это обложка одного из дисков — точнее, второго — ставшей теперь уже всемирно известной группы «ЛЗ» (примем для удобства такое сокращение). Чем же заслужили «ЛЗ» подобную известность и есть ли у них основания возводить величественный, хотя и аляповатый, мемориал?

Начинали «ЛЗ» обычно: в 1968 году лондонский гитарист Джеймс Патрик Пейдж — тогда ему было 23 года, и он уже был довольно известен как «сессионный музыкант», то есть музыкант, работающий в студиях грамзаписи с самыми разными солистами, решает организовать свою собственную группу. После долгих поисков он приглашает в нее бас-гитариста и пианиста Джонса (21 год), ударника Бонхэма (19 лет) и вокалиста Планта (ему тогда тоже было девятнадцать).

Теперь стоило подумать о названии. Поначалу они хотели назвать себя незатейливо — «Бешеные собаки», затем «Надувная подушка» (исходя из укоренившейся в те годы традиции «чем бессмысленнее, тем лучше»); наконец, было найдено словосочетание «Лед Зеппелин» — «Управляемый Цеппелин».

Старт «Цеппелина» совпал с «блюзовым взрывом» в Англии, когда самым модным клубом в Лондоне стал «Марки», оккупированный «блюзменом № 1» Джоном Майалом с его многочисленными воспитанниками и старыми американскими неграми, так и не перешедшими в ряды адептов рок-н-ролла. И хотя «ЛЗ» стали одной из многочисленных групп популярного направления, их «хождение в блюз» поначалу не встретило особой поддержки. Тогда-то «цеппелины» решают идти к успеху более сложным путем.

Новоиспеченная группа занимает некую сумму и на свой страх и риск отправляется в турне по США. Почему по США? Формула «нет пророка в своем отечестве» применима к историям почти всех групп; все они, следуя примеру «Битлз», «Роллинг Стоунз» и других столпов поп-музыки, ждут признания сначала за рубежом — англичане в США, американцы в Англии, а уж потом, снабженные заграничной рекламой, возвращаются к родным берегам.

Опытный Пейдж решил использовать этот ход и заодно проверить свое прочтение блюза на его родине. И, надо сказать, поступил мудро — вполне профессиональные музыканты, они быстро завоевали популярность и приемлемую прессу и вернулись в Англию с определенным запасом «очков». Это позволило «ЛЗ» заключить контракт с лондонской фирмой «Атлантик» и записать свой первый альбом. Выход его в свет был приурочен к началу второго, уже вполне «легального», американского турне в феврале 1969 года. В альбом вошли проверенные номера других групп, несколько новых песен и характерные для пейджевского «нового прочтения» блюзы. Лучше всего тогдашнюю манеру игры ансамбля иллюстрирует композиция «Ошеломленный и смятенный». Обычный блюз на 4/4 доведен здесь до полной неузнаваемости. Тема, играемая в унисон гитарой и бас-гитарой, приобретает неимоверную тяжесть и тягучесть, оказывая прямо-таки гипнотическое воздействие; гитарные импровизации Пейджа по звучанию напоминают скорее искаженную «пространственную музыку» Дж. Хендрикса или «Пинк Флойд». Другим считающимся теперь классическим номером с первого альбома стала песня «Обрыв связи». Именно ей, а не блюзам, суждено было определить дальнейший курс «Цеппелина». В данном случае «пластической операции» подвергся уже рок-н-ролл. Но об этом чуть позже.

«ЛЗ» отправляются на вторые гастроли по США. Они прошли весьма шумно, и группа получила свой первый золотой диск. Но и это не расшевелило отечественных любителей поп-музыки.

По результатам проведенной в середине 1969 года ежегодной анкеты журнала «Мелоди мейкер» «ЛЗ» не вошли в список популярных групп, и максимум, чего они достигли, — это третьего места в списке ансамблей, «подающих надежды».

Прошло, однако, буквально полтора месяца, и ситуация изменилась коренным образом. В октябре выходит в свет «Лед Зеппелин-II». В песнях второго диска группа совсем отошла от блюзовых тем и занялась обработкой рок-н-ролла. Эта новая модель получила название «хард-рок», то есть тяжелый, интенсивный рок. Нет смысла, по-моему, описывать эту музыку, поскольку основная ее характеристика содержится в самом названии. «Оставляя любовь», «Моби Дик», «Разбивающий сердца» — типичные экземпляры хард-роковой коллекции, а «Многомного любви» стала общепризнанным гимном этого течения.

С легкой руки «Лед Зеппелин» хард-рок получил колоссальное распространение. Словосочетания «хард-рок», или «прогрессивный рок», стали чем-то вроде волшебного заклинания, открывающего путь к немедленному успеху. Дело в том, что в хард-роке был достигнут синтез двух основных направлений тогдашнего музыкального авангарда: так называемой «тяжелой музыки» (heavy music) — ансамбли «Двери», «Железная бабочка» и «нового белого блюза» — группы «10 лет спустя», «Консервированная жара», «Флитвуд Мэк». Таланту и изобретательности «цеппелинов», несомненно, следует отдать должное, однако если бы не они, то пионерами хард-рока непременно стал бы кто-то еще — идея носилась в воздухе уже не один год. Десятки и сотни групп взяли этот стиль на вооружение. Наиболее изобретательные из них привносили в «тяжелый рок» что-то свое: «Блэк Сэббет» — причудливую смесь средневековой мистики и социального протеста; «Дип Пёрпл» — интонации классической музыки; «Атомик Рустер» — джаза... Совсем уж неотесанные молодые музыканты типа «Банды Джеймса» взлетели на гребень волны в США. Эти пытались расширить границы рока с помощью десятков тысяч ватт аппаратуры и галлонов собственного пота.

1970 год прошел в непрерывных гастролях по Европе, Америке, Азии и Австралии. В это время Джимми Пейдж сделал потрясшее их английских приверженцев заявление о том, что ни одна песня «Управляемого Цеппелина» не будет издана на родине в коммерческих целях как «сорокапятка». Поэтому ни одна из потенциально «хитовых» песен, которых немало оказалось на пластинках «ЛЗ», «хитом» в прямом смысле слова не стала.

Так же «некоммерчески» вели себя «ЛЗ» и на концертах. Группа почти не использует световые, пиротехнические и прочие эффекты; никаких кинофильмов, слайдов и пантомимы; ни виселиц, ни черепов на сцене, ни разбивания аппаратуры... Все члены группы относительно скромно одеты и никогда не красятся (теперь это редкость). «Мы стараемся донести до публики чистую музыку и чистую поэзию без трюков и уловок». Вообще, со времени возникновения группы считалось, что «ЛЗ» примыкают к «подпольному» течению, — «подпольными» назывались те группы, чьи действия шли вразрез сложившемуся к тому времени поп-музыкальному официозу, а наиболее характерной для «подпольных» групп была как раз их антикоммерческая направленность. Так, например, «цеппелины» отказались от 200 тысяч долларов гонорара за концерты в Бостоне, чтобы выступить на «свободном» (и бесплатном) фестивале в Бате. В другой раз группа дала концерт в Хиросиме, и весь доход от 60 тысяч проданных билетов был отдан в фонд жертв атомной бомбардировки.

Но, кстати сказать, когда самые что ни на есть коммерческие группы поняли, что такие акции тоже в конечном итоге работают на популярность, и они стали отказываться — конечно, во всеуслышание — от гонораров. Так что подобные жесты в духе «мира и любви» порой действительно только жесты.

Третий диск «ЛЗ» был не очень интересным, а четвертая пластинка лишь как бы обобщала все предыдущие их поиски, и в музыкальном отношении она не стала новой ступенью. Единственной настоящей удачей была «акустико-электрическая баллада» под названием «Лестница в небо». Большинство остальных композиций находились под уже закатывающейся звездой хард-рока.

«ЛЗ» начали сдавать позиции. После взрыва интереса к блюзу, хард-року и вообще «тяжелой музыке» в 1968—1970 годах наиболее серьезные музыканты обратились к совершенно иным сферам — симфоническая музыка, электронная музыка, восточная и европейская средневековая музыка. Подобный поворот произошел и в сознании публики старше 16 лет. Фаворитами становятся «Эмерсон, Лэйк и Палмер», «Пинк Флойд», «Иес». К «Лед Зеппелин» относятся снисходительно-сочувственно, и никому уже не приходит в голову называть их лучшей группой мира.

Сами «ЛЗ» вели себя как нельзя лучше — они не раздражали критиков, не приедались публике, они просто исчезли со сцены на полтора года. И занимались своим делом.

В спокойной обстановке «Управляемый Цеппелин» записал, на мой взгляд, лучший альбом — «Дома святого». Пластинку эту постигла, однако, полная неудача, настоящий провал. Неудивительно: многомиллионный клан старых поклонников «Цеппелина» не получил и частицы того привычного, что он ждал. Ни одного «тяжелого рока», ни одного блюза, даже ни одной мелодичной баллады типа «Лестницы»... Пластинка эта была гораздо сложней и серьезней — и структурой композиций, в которых «электрические» роковые эпизоды мгновенно сменяются акустическими гитарными соло в классической манере; и какой-то странной и новой зыбкой атмосферой, характерной для таких вещей, как «Песня остается прежней», «Песня дождя», «Над холмами и вдали», «Океан». Эту атмосферу создавали частые смены ритма, отстраненный высокий голос Планта и виртуозная игра Джона Поля Джонса на меллотроне. Трудно категоризировать стиль этих песен — помимо рока, английской народной музыки, музыки барокко и Возрождения, здесь чувствуется определенное влияние классики и даже элементы восточной музыки. Лучшая песня на пластинке, да и у «ЛЗ» вообще, на мой взгляд, — «Нет пощады». Композицию характеризуют вкус, умелое чередование звуков и тишины, сильная мелодическая линия и глубоко прочувствованное пение Р. Планта.

Несмотря на неудачу диска, группа предприняла новое турне по США, которое прошло с огромной помпой. Были побиты все рекорды посещаемости и доходов, установленные ранее Элвисом Пресли и «Битлз». И... «Лед Зеппелин» снова исчезли из виду более чем на полтора года. А в это время в поп-музыкальном мире происходили довольно значительные изменения — возникла, развилась и стала очень модной тенденция, которую находчивые «Роллинг Стоунз» снабдили броским лозунгом: «Это всего-навсего рок-н-ролл, но нам это нравится». Но если «прогрессивный» рок 1969—1970 годов представлял собой поиск новых выразительных средств и форм и был одним из течений авангарда, то теперешнюю мутацию рок-н-ролла можно вполне назвать «регрессивной» и даже дегенеративной, поскольку провозглашался возврат к корням рока, к примитивным мелодиям и текстам. Наиболее последовательные представители этого течения — весьма популярные сейчас группы «Доктор Филгуд», «Ша-на-на» — переняли даже внешний стиль 50-х годов: щеголяют в брюках-дудочках и выделяются из общей косматой массы короткими напомаженными волосами. Все это здорово отдает китчем.

К удивлению и сожалению многих, «Лед Зеппелин» восприняли «новые» идеи — об этом свидетельствует их последний двойной альбом «Физические надписи на стенах». Незадолго до его выхода пресс-агентурой «ЛЗ» была развернута могучая рекламная кампания, во время которой члены четверки в несвойственной им хвастливой манере провозглашали, что они не просто «лучшая группа в мире», но и «на голову выше любой группы, претендующей на второе место». Дж. Пейдж тем временем разрабатывал «идейную базу» нового облика «ЛЗ».

Новоявленный «всего-навсего рок-н-ролл», помимо чисто музыкальной основы (понятно какой), держится еще на трех китах: модная ностальгия по эстетике и духу 50-х годов. Тут «ЛЗ», к счастью, не слишком преуспели, и дань прошлому содержится в основном в оформлении новой пластинки; циничный интерес ко всякого рода патологиям, болезненным явлениям, насилию и т. п. Здесь «цеппелины» расстарались. Достаточно прочесть названия песен: «Растоптанный ногами», «Снова мутит»; и, наконец, секс. Как видите, не много нового.

Из пятнадцати песен альбома впечатление производит, пожалуй, только одна: «Растоптанный ногами». Это весьма энергичный номер с заметным влиянием стиля соул. Сейчас его прочат в новый «гимн» «цеппелинов» — вместо «Много-много любви». А все остальное — лишь набор трехаккордных рок-н-роллов, акустических пасторалей и баллад с неожиданно появившимися битловскими интонациями. Удручающе. Если попытаться одним словом охарактеризовать последнюю пластинку «Лед Зеппелин», то этим словом будет «декаданс». У группы нет ни позитивной, ни негативной программы. Это и не «чистое искусство» — в стиле пятого диска. Упадок, апатия, болезненность. Похоже, «цеппелины» просто устали. Что пытаются утвердить новые «ЛЗ», я, право, определить не берусь. А раньше?.. Что ж, на первых своих пластинках «цеппелины» утверждали энергию, молодость. Много-много любви еще не было растоптано ногами.

ВЛАДИМИР ДМИТРИЕВИЧ ОСИПОВ

Мартовский номер «Ровесника» уже ушел в типографию, когда пришло горькое известие — умер Владимир Дмитриевич Осипов. «Ровесник» по праву гордился и гордится тем, что в списке членов его редакционной коллегии начиная с июля 1974 года стояло имя этого прекрасного человека. Крупный журналист-международник, знакомый всей стране по блестящим статьям и очеркам в «Известиях» и других центральных изданиях, по глубоким аналитическим обзорам в телевизионной программе «Международная панорама», он всегда охотно выступал в комсомольской печати. Без лишних уговоров и ссылок на занятость Владимир Дмитриевич взял на себя дополнительный труд сотрудничества в «Ровеснике». Его материалы — об этом говорят и письма читателей — стали украшением многих номеров нашего журнала. Каждую свою статью Владимир Дмитриевич писал так, словно писал в последний раз в жизни, то есть выкладывался весь, без остатка, поражая коллег работоспособностью, силой и отточенностью слога, глубиной мысли. Но рядом с этими талантами в нем всегда жил естественно и просто еще один — талант человеческой скромности... Смерть застигла этого замечательного журналиста на боевом посту. Последняя статья коммуниста В. Осипова для читателей «Ровесника», опубликованная в нашем январском номере, была посвящена партийной теме — главной в его творчестве. В ней журналист с 25-летним опытом работы в международной тематике вел разговор о сложнейших проблемах современного мира.

Смерть отняла у нас прекрасного, душевного человека, умного собеседника. Но она не в силах отнять у нас память о Владимире Дмитриевиче Осипове и его творчестве.

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «РОВЕСНИК»

Главный редактор А. А. НОДИЯ.

Редакционная коллегия: В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ (зам. главного редактора), О. А. ГОРЧАКОВ, В. В. ГРИГОРЬЕВ, М. А. ДРОБЫШЕВ, В. П. МОШНЯГА, Б. А. СЕНЬКИН, С. А. ЧИБИРЯЕВ.

Художественный редактор О. С. Александрова.

Оформление А. В. Громова.

Технический редактор В. Н. Савельева.

Адрес редакции: Москва, 103104, Спиридоньевский пер., 5. Телефон 290-36-55. Рукописи не возвращаются.

Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 17/II 1976 г. Подп. к печ. 26/III 1976 г. А04852. Формат 60×90 1/8. Печ. л. 3 (усл. 3). Уч.-изд. л. 5,2. Тираж 470 000 экз. Цена 20 коп. Заказ 222.

Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

НАУКИ ЮНОШЕЙ ПИТАЮТ...

Великое дело — знания; не случайно говорят: век живи — век учись. Великое дело — опыт, про который говорят, что это дело наживное. Верно — жизнь, конечно, лучший учитель. Ну а на втором месте, наверное, идут ее прилежные ученики — люди уже пожившие, старшие, родители. Так что же советуют на Западе старшие младшим? Чему учат они и сама жизнь молодежь?

— Отец мне сказал: иди на философский. Все равно работы не найдешь, хоть научишься смотреть на все философски.

— Вы сделали правильный выбор, молодой человек. У нас солидная фирма, и, если вы будете старательны и изобретательны, не исключено, что вы сможете продержаться у нас года полтора.

— Учись, сынуля! Попробуй мы, как ты предлагал, спрятать эти короны под пиджак, охрана нас уже бы сцапала.

Налоговый инспектор: — Что вы притворяетесь удивленным! По закону все здания, даже на песке, облагаются налогом!

— Имейте в виду, курс простого озарения стоит тысячу долларов, великое озарение — идет по две тысячи, ну а приобщение к высшей мудрости...

Allegro vivace.

Карикатуры из журналов «Эпока», «Эуропео» (Италия), «Пари-матч», «Экспресс» (Франция), «Нью-йоркер» (США).

Индекс 70781
Цена 20 коп.